

АЛЕКСАНДР
ВОРОНЕЦКИЙ

ЗОЛОТАЯ
ЛИХОРАДКА
В РУССКОМ
ВАРИАНТЕ

aegitas

Александр Воронецкий Золотая лихорадка в русском варианте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24430382

Золотая лихорадка в русском варианте:

ISBN 9785000648544

Аннотация

С площадки возле законченной разведочной шахты исчезает самая богатая руда. Начальник партии едет в город и обращается в милицию. Для расследования выделяется оперативный работник, а из коллектива партии ему в помощь определяют геолога, хорошо знающего местность. В этот момент появляется первый труп. Опер ведет расследование, геолог ему помогает, и очень быстро они выходят на возможных похитителей руды. Остается собрать факты их участия в преступлении. Появляется очередной труп. А следы похищенного золота ведут в город, и опер едет туда. Геолог же остается в партии и ведет поиск пропавшей руды. Что в итоге получилось – в книге.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
Часть первая	4
Геолог	4
Опер	23
Часть вторая	44
Геолог	44
Опер	47
Часть третья	58
Геолог	58
Опер	60
Геолог	73
Часть четвертая	76
Опер	76
Геолог	87
Часть пятая	91
Геолог	91
Опер	101
Часть шестая	109
Опер	109
Геолог	124
Часть седьмая	129
Опер	129
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Воронецкий Александр Васильевич Золотая лихорадка в русском варианте

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Часть первая

15 июля, пятница.

Геолог

Беда к беде – деньги к деньгам. Прикольный афоризмик, не правда ли? И работающий, только не для всех в полном объеме. Лично на меня его вторая половина не распространяется. Конечно, зарплату я получаю, плюс иногда и премиальные. А что бы к официальным заработкам еще какие-то деньги – никогда. Я же геолог, и для приработков на стороне профессия не годится – нечего предложить кроме камней и дружеских советов!

Ну а насчет бед у меня все нормально, повторяются с завидным постоянством. Идти далеко не нужно! Взять для примера последнюю неделю! Уже в понедельник в конце рабочего дня меня выдернули из камералки для «контроля за правильностью установки бурового агрегата». Только в Уазике, покотившем на «ответственное мероприятие» за двадцать пять километров, кроме меня и старшего бурового мастера, лиц заинтересованных, сидел главный инженер партии т.Николаев. Именно т.Николаев и никак иначе для всех ИТР (инженерно-технических работников) геологической службы, в разной мере не питающих уважения к этому человеку. В молодости он показал себя посредственным геологом, так сказать на побегушках, и толковых мыслей не высказывал. Но вовремя огляделся и при первой возможности перешел в стан администрации. Начав с начальника маленького отряда, потихоньку-полегоньку дошел до главного инженера, показав при полном отсутствии геологического мышления некий талант в отдаче хозяйственных распоряжений. Но о своей несостоятельности как геолога помнил, и при случае всем нам делал мелкие пакости. И сейчас я не сомневался: что-то для меня есть.

Двадцать пять километров проехали молча. Наконец в низинке появилась буровая, рядом с ней бортовая машина и бульдозер. Здесь же копошилось несколько человек в робах. Так же молча вылезли из Уазика, и только тогда т.Николаев поинтересовался «правильно ли поставлен агрегат». Я подо-

шел к буровой и убедился, что на точку ее затащили, но стоит как то не так. Пришлось осмотреться, и поискать колышек, на который буровую ориентируют, если скважина наклонная. Колышек с надписью «направление» оказался на месте, а буровая развернута от него почти на девяносто градусов.

Молча махнул рукой, и старший буровой мастер рысью побежал ко мне, т.Николаев естественно остался на месте, ему не подобало реагировать на жесты. Подбежавшему старбуру, указав на колышек, тихонько прошипел:

«Ты что, совсем без головы? Кол не мог найти? Я же при тебе его забивал!»

Правда, забивал неделю назад, старбур мог и подзабыть детали, но я всегда в партии, искать не надо! Забыл – спроси, и не только спроси, а и отвези на точку, всего-то делов!

Старбур что-то замекал в оправдание, мне неинтересное. Прервал этот лепет, посоветовал повторить его т.Николаеву, который с окружавшими его рабочими ждал нашего возвращения. Старбур замолчал и с убитым видом направился к ним. А я, зная какой сейчас начнется базар, двинул в противоположную сторону, делая вид, что внимательно рассматриваю породы под ногами. Время тянул, пока весь шум-гам не уляжется, а он уже начался и тянулся минут десять, не меньше.

Затем все пришло в движение. Бульдозер подполз к передней части буровой и начал юзом разворачивать ее в нужном

направлении, толкая ножом конец несущей балки. Теперь можно и мне покомандовать – подняться в буровую и проследить, что бы ее развернута ровно настолько, сколь необходимо.

Еще минут пять агрегат потихоньку толкали бульдозером, пока я не скрестил над головой руки: стоп, довольно. Затем сделал запись в журнале, что можно начать бурение. Работа моя на этом закончилась и я забрался в Узик, не желая мозолить кое-кому глаза. Т.Николаев задержался не надолго, плюхнулся на переднее сиденье со словами шоферу: «Поехали», – а мне даже не обернувшись, – «Из-за тебя буровая простояла смену, придется отвечать!»

Ага, разогнался! Что за привычка дурачков искать!

«Это вы мне? Тогда не по адресу!»

«А кто отвечает за установку буровой?» – т.Николаев не задержался с ответом, – «Вот и отвечайте!»

Я не выдержал и рассмеялся:

«Что-то вы путаете! Отвечает за установку буровой мастер, сами знаете. А я отвечаю только за контроль и ни за что более. Что сейчас при вас и исполнил. И разбирайтесь между собой, кто там виноват. Из-за меня простоя не было ни минуты, никогда и не будет. В любой момент готов выехать, ваше дело буровую перетащить, а мне найти транспорт. И хватит на эту тему повторяться!»

Т.Николаев начал уверять себя, что все мы, то-есть геологи, не думаем о выполнении плана, мало работаем в поле,

лодыри, и т.д. и т.п. Я и слушать этот бред перестал, но последняя фраза: «Пять лет месторождения найти не могут!» – меня достала, настроение подпортила капитально.

Ну чья бы корова мычала! Геологом человек начинал, но что-то не припомню о его находках, не было таких! Сказал гадость не думая, вернее не соображая. Потому как месторождения давно не находят. Это раньше, когда руда на поверхности валялась – да, находили. Шел человек в свободном поиске, наткнулся на гору магнитного железняка – и нашел месторождение, не пропустил, честь ему и хвала. Но таких гигантов не найденных уже нет, Остались месторождения – я имею ввиду наши места – слабо проявленные с поверхности. Вот и приходится изучать большие площади, что мы и делаем, а стоит это больших денег и растягивается на годы. И хорошо, если за десять лет одно месторождение будет не найдено, а выявлено!

Действительно, уже пять лет ничего интересного, т.е. объекта, который может превратиться в месторождение, нет. Но небольшие проявления золота выявляем постоянно, и это говорит, что мы на верном пути. Остальное – дело времени и удачи.

До вечера ходил как неприкаянный, чем даже жену удивил. Вот так понедельник и завершился, можно считать – бедой настоящей!

Во вторник в пять утра смылся в поле. Знал прекрасно, что главный инженер на вчерашнем не остановится, так что

с глаз домой. Как мелкий начальник, сидел в кабине ГАЗ-66 и показывал шоферу дорогу. В салоне машины восемь подчиненных, их я должен высадить в четырех заранее обговоренных местах парами – по одному в маршруты никого не спускал, хотя сам это правило нарушал всегда..

В первой паре геолог женщина, Никонова Н., явная стервочка. Не по женской части, а в отношении к обязанностям по работе. Года два толку от нее никакого, в поле не бывала под всевозможными предложениями, хотя план по съемкам на нее спускался, а зарплату инженерскую получала с удовольствием. Ее долго пасовали из одной группы в другую, пока не отфутболили ко мне с просьбой Игоря Георгиевича, нашего главного геолога (сказанной с глазу на глаз), воспитать сколь возможно, что бы жизнь не казалась совсем уж раем.

В плане «воспитания» я отправил Никонову Н. в маршрут, дав для страховки в напарники радиометристом хорошего парня из местных. И маршрут ей наметил совсем простой, точно с юга на север вдоль старой, давно заброшенной дороги. Высадил первую пару, показал Никоновой Н. на ее фотоплане где она находится и куда должна идти (от дороги ни на шаг!), и где мы ее заберем (прямо у этой дороги). Затем развез остальных и пошел в маршрут сам.

День пролетел быстро, в двенадцать начал всех собирать, дальше что-то делать бесполезно, голова отказывается сообщать из-за жары. Три пары нашел быстро, а вот Никонова Н. и ее напарник, которых высадил первыми, а забрать дол-

жен последними, на месте не оказались. Высказав в их адрес все возможное, сделали на машине круг радиусом с пол километра, останавливаясь на каждой возвышенности и внимательно все рассматривая. Нет, никого не видно. Проехали по всему их маршруту, вернулись назад, сделали круг радиусом с километр. Опять ничего. Время к трем, все злые, уставшие, мокрые – в кабине и салоне духота. Посоветовались, что же делать дальше. Решили: еще круг, и за подмогой в партию, бензина на большее не остается.

Все оказалось бесполезным, и слава богу в партии начальство застали на рабочих местах. Всех, кроме шофера, отпустил по домам, и побежал доложить о ЧП вначале своему начальнику, главному геологу, а затем вместе с ним – к т. Николаеву.

Ну тут и началось! Естественно, мне припомнили и вчерашнюю буровую, и сегодняшнее ЧП, и вообще всю нашу всеохватывающую никчемность. Хорошо, Игорь Георгиевич что то смягчал как амортизатор, не давал перейти на маг и персональность.

Но ругня ругней, а через час двумя машинами, заправленными под завязку и снабженными поисковыми фарами, отправились к месту пропажи. До темноты бестолку крутились по бездорожью, постепенно расширяя площадь поисков, и только в десятом часу заметили вдали огонек в таком месте, куда в здравом уме геолог и заходить не должен. Конечно, это оказались они, слава богу, парень имел спички и дога-

дался разжечь костер. Вроде живы и здоровы, даже улыбаются, паразиты.

Домой вернулись за полночь, ну а в настроении сами понимаете каком. Понятно, что вторник закончился похлеще понедельника – то-есть, к одной беде пришла вторая.

В среду пришлось остаться в камералке. Во-первых, поспать времени не осталось (в поле надо вставать в четыре часа), а во-вторых – разобраться с ЧП и с Никоновой Н.

Разговаривать с ней я не стал, бесполезно. Наплетет чего поподя, так что виноватыми окажутся другие. Вдвоем с Игорем Георгиевичем мы пораспрашивали ее напарника, парня соображающего и местность знающего отлично. По рассказу, дорогу, вдоль которой намечался маршрут, они пересекли минут через десять после нашего отъезда, и далее пошли ровнехонько на запад вместо севера по заданию. И за день уперли туда, где мы их в жизнь искать не догадались бы. И это с компасом, после пяти лет подготовки в институте! Причем на фотоплане этой дуры маршрут нарисован как пройденный правильно, места отбора образцов и проб представлены, а в пикетажке все описано.

По окончанию разборки, уже оставшись вдвоем, мы молча сели и уставились друг на друга с немым вопросом: уж не специально ли она это устроила, что бы ее и впредь в поле не отправляли? Очень похоже, но, как говорят, не все потеряно. Понятно, что маршруты ей доверять нельзя, не контролируешь. Но есть документация канав. Здесь где те-

бя высадили, там и забрали, идти никуда не нужно, а проверить правильность зарисовок и описаний легко. Правда, документация дело всего лишь техника, но с паршивой овцы хоть шерсти клок!

Игорь Георгиевич со мной согласился, и я собрался пойти, обрадовать эту чертову куклу, что от поля она не отвертится, как в кабинет зашел начальник партии, заметно взволнованный. Не стал мешать разговору двух командиров и быстро смылся, тем более, начался обеденный перерыв.

А после него «ласково» поговорил с Никоновой Н., и «доказал», что она просто необходима в поле, как документатор канав. После чего наконец-то занялся планами, картами, разрезами, другими материалами.

В конце работы в комнату заглянул Игорь Георгиевич:

«Зайди ко мне, дело есть срочное!» – и исчез. Понято, кто-то у него сидит, и я в темпе начал убирать со стола бумаги. Через пять минут пошел получать новое задание.

В кабинете шефа оказался второй старший геолог, Матвеев Николай. Если я отвечал за поисковые работы, то Николай за разведку всего, что найдем. Этакое разделение труда. Игорь Георгиевич махнул мне рукой – садись. И с хитрой улыбкой заинтриговал обоих:

«Знаете где я был?» Мы сделали вид, что не знаем.

«На шахте! Так вот, нас обокрали!» – и эдак загадочно на нас посмотрел.

«Копер сперли, что ли?» – это Николай, – «То-то Павел

Петрович мрачнее тучи пробежал!»

А мне даже полегчало. Жалко, конечно, начальника партии, очень мужик хороший, но т. Николаеву достанется в первую очередь, это определено. Игорь Георгиевич не дал развиваться приятной мысли:

«Хуже, руду сперли с площадки!»

Тут я и Николай просто опешили: как ее спереть? Это ж надо как минимум машина и экскаватор, это ж шум, а шахта и руда, как мы знали, охранялись! Оказалось, охранялись хреново.

Дальше главный геолог рассказал, что, как Николай Матвеев раньше и наметил, с утра послали экскаватор и машину с геологом – вывезти несколько рудных отпалок. Из них должны были сформировать пробу в несколько тонн для промышленных испытаний на перерабатывающем комбинате. Но нескольких намеченных отпалок на месте не оказалось. Пришлось вернуться в партию, информировать начальника. Тот срочно побежал к Игорю Георгиевичу, я его и видел там перед обедом. Вдвоем они рванули на шахту убедиться своими глазами. Убедились: точно, несколько отпалок по порядку отсутствовали. Павел Петрович расстроился еще больше, вернулись назад. А сейчас мы должны срочно подсчитать: сколько же руды отсутствует, какое содержание в ней золота и сколько его всего. Окажется золота немного, то и ладно, дело замнем. Ну а если все серьезно, то Павел Петрович с утра едет в областной центр, в милицию.

Не теряя времени, в первом отделе (спецчасти) отобрали нужные материалы и приступили к работе. Я и Игорь Георгиевич были на подхвате, а руководил Николай, как самый из нас информированный – под его контролем прошла документация и опробование всех выработок на шахте.

Часа два усиленно считали, наконец главный геолог подвел итог. В исчезнувших с рудной площадки отпалках самые богатые по содержанию золота руды. Не просто богатые, а как говорят, ураганные – от 500 до 1500 грамм золота в тонне руды. Такие содержания даже не учитываются при подсчете общих запасов, что бы их не завышать искусственно.

Всего в вывезенной руде может быть до тридцати килограмм крупновкрапленного легко извлекаемого золота. Причем в третьей по счету исчезнувшей отпалке содержание было относительно небольшим, до 200 грамм на тонну, а в двух оставленных на площадке рядом намного выше, до 800 грамм на тонну. В чем-то похитители ошиблись, увезли не самое лучшее.

Еще минут десять порассуждали, кто и как мог организовать хищение, пока в кабинет не зашел Павел Петрович, весьма озабоченный. Ему показали результаты расчетов. Начальник партии, долго не думая, – видно, варианты действий определил заранее, попросил нас особо не распространяться, то-есть лишнее никому не говорить. Сам он завтра выезжает в город в милицию, так как местной ни на грамм не доверяет. Посоветовал навести порядок в документах, в

первую очередь секретных, возможно кто-то придет разбираться.

Шел восьмой час, когда начали расходиться по домам. Так закончилась среда, для меня хотя и с меньшей потерей нервных клеток, чем в предыдущие два дня, но все же без очередной беды для всей партии дело не обошлось.

С четверга очередную напасть начал ожидать уже по привычке, с пяти утра, когда вместе с ребятами выехал на участок. Посмотрел там пройденные каналы, подсказал небезызвестной Никоновой что и как зарисовывать, где отобрать пробы, наметил новые каналы и показал их канавщикам. Далее как и планировал посетил буровую, просмотрел керн на предмет целесообразности дальнейшего бурения. А в завершение – совместный короткий маршрут с Пашей, геологом моей группы. Что-то в одном месте он не все правильно зарисовал. И все, работа кончилась, фляжки у всех пусты, головы от жары не соображают. Быстро собираю людей, и домой.

В камералке разобрались с образцами и пробами, сдали в спецчасть карты и фотопланы. Ребята – Паша и Александр – о пропаже с шахты руды все знали непонятно от кого, и подзуживали меня сходить к главному геологу за новостями. Я приготовился это сделать, но не успел: в комнату робко зашла и застыла у двери Светлана, девченка, наш самый молодой техник-геофизик, работавшая в паре с Никоновой Н.

Опять эта кукла, то-есть Никонова, что-то отмочила –

первая мысль при виде опухшего носа и заплаканных глаз девченки. А я уже обрадовался, что неприятности вроде бы кончились. Но – тьфу, тьфу – ничего страшного, зря Светлана расстроилась, как оказалось, из-за молодого парня, Володи. Он устроился на работу после зоны, где просидел восемь лет от звонка до звонка, к труду физическому был там приучен, и у нас копал канавы. Ну а молодого парня куда тянет? Естественно к женщинам, желательно тоже молодым. Вот и зачастил к Никоновой и Светлане то водички попить, то перекусить вместе, а вернее просто поболтать.

Парня осудили за изнасилование семнадцатилетней, хотя на самом деле насилием даже не пахло, была глупость по молодости. Девка оказалась не промах. Все знали, что Володя у нее не первый, но родителей убедила, что невинности лишил он. Те к Володе: или свадьба, или суд. А он по глупости выбрал суд, девка то не нравилась, подумаешь, переспал раз. И восемь лет впаяли.

Володя как был добряком и весельчаком, так им и остался после зоны. Но при случае прихвастнуть, особенно перед женщинами, любил: «Я на зоне чалился, восемь лет, я такой-этакий, за бабу сидел!»

На Никонову этот треп мало подействовал, та давно замужем и цену мужикам знала. А Светлана напугалась до полу-смерти, и вот стоит, шмыгает носом.

Ребята посмеялись, девченку успокоили. Я пообещал послать ее завтра в другое место, подальше от донжуана, а сей-

час идти домой и глупости всякие не вспоминать. Володе, конечно, и говорить ничего не собирался. Подсуну ему «бой бабу», Катерину, та за словом в карман не лезет, и в чувство приведет быстро.

Скоро дела в камералке мы закончили и разошлись, так ничего нового об исчезнувшей руде не узнав – Игорь Георгиевич в камералке отсутствовал.

А сегодня уже пятница, и мы снова едем в поле в обычном составе. Светлану отправил в маршрут с геологом, на ее место в помощь Никоновой определил Катерину. Как и вчера просмотрел канавы, затем керн на буровых. Все вроде в порядке. Иду в подозрительное место с очень сложным геологическим строением, до конца работы пытаюсь там разобраться.

Домой возвращаемся уставшие, но в настроении отличном – впереди два дня выходных, и никаких бед у меня сегодня. Проехали пол дороги, и из салона посигналили, попросили остановиться. Я подумал, что кому-то приспичило, по малой нужде, но в ближайшие кусты никто не побежал, зато меня попросили в салон. На мое место в кабину шустро заскочил Володя, наш секс-канавщик, заставив вспомнить заплаканную вчера техника-геофизика Свету. И когда тронулись, я к Катерине, нашей бой-бабе, с улыбочкой повернулся:

«Как дела на новом месте? Наш гигант сексуальный не изнасиловал разговорами?»

Все засмеялись, поняли о чем это, и только у Катерины ни один мускул на лице не дрогнул. Эдак презрительно процедила:

«Тоже мне, нашел чем пугать!»

«Расскажи, как пугал!»

«Да как», – Катерина снисходительно улыбнулась, одним уголком рта, – «пришел и давай – я на зоне был, за бабу! Могу и сейчас любую!»

«Ну а дальше? Ты то ему что?»

«А что, посмотрела на него и спросила: что, и меня прямо сейчас трахнешь? Так одним больше, одним меньше – какая разница? Он и заткнулся, к канаве своей отвалил!»

Понятно, как я и предполагал, Володю отбрили без мыла. То-то он в кабину на мое место не пошел, а прямо полетел. И здесь Катерина посмотрела на Свету, покачала головой: «А ты этого импотента боялась, глупенькая!»

Все в салоне грохнули от смеха, и я тоже, хотя точно знаю, что с женщинами у Володи все в порядке, наслышан о его похождениях.

Отсмеялись, и два мужика – Паша и Александр – подсели ко мне поближе, начали соблазнять рыбалкой – давно мол не были, есть нечего, жены ругаются. Меня, положим, агитировать нечего, дома с пятницы на субботу ночью реже, чем на озере или еще где на охоте. Предупредил только, что Игоря Георгиевича прихватим, как раз будет четверо, комплект для моих Жигулей. Да обговорили, кто и что возмет из еды и

снастей. А посуду для ухи и специи я из багажника машины не вынимаю.

В камералке закончили дела по работе, потом ребята рванули по домам, а я зашел к Игорю Георгиевичу с геологической картой, на которой были вынесены детали геологии, установленные нашей группой за неделю. Карту посмотрели, прикинули перспективы, исходя из имеющихся кроме нее материалов. Определенно перспективы хорошие, и работу желательно форсировать – задействовать экскаватор. То есть, пройти несколько магистральных канав, по двести-триста метров длиной каждая. Решили в понедельник плотно засесть, посмотреть еще раз все по участку, и канавы экскаваторные наметить на вскрытие уже определившейся структуры.

Теперь можно и о личном: приглашаю Игоря Георгиевича на рыбалку. Главный геолог грустно вздохнул:

«Рад бы, да не могу»,

Я с удивлением поднял брови, знал, что Игорь Георгиевич рыбак заядлый.

«Павел Петрович приезжает из города, радиограмма есть. И меня Николаев, делать ему нечего, попросил никуда ни шагу. Похоже, что Павел Петрович приедет не один»,

Все понятно, и тут ничего не поделаешь. Пожелал он счастливой рыбалки, и я побежал в соседнюю комнату, где в кампании с двумя чертежниками трудилась жена. Порадовал ее: еду с ребятами на ночь, и услышал в ответ, что другого

от меня не ожидала. Но не забыла предупредить:

«В воскресенье машина моя! Тоже прокатимся, с девчатами!»

И на здоровье, езжайте, у нас же равенство полов, то-есть и прав, и обязанностей.

До озера добираться час с небольшим – сорок километров по ведомственной дороге до областного шоссе, потом перейти его и еще пятнадцать километров по проселку среди мелкосопочника. Так на отдых и рыбалку добирается весь Мирный, поэтому проселок постоянно подправляют грейдером.

На берегу заняли законное место, разбили лагерь и ребята разошлись с удочками. Я накачал резинку и подплыл к ближайшему кусту камыша. Главное сейчас – поймать с десятков подлещиков и вобл, которые я порежу на кусочки как приманку, и с лодки растяну перемет на пятьдесят крючков. Снасть конечно, браконьерская, но ... нас же трое, и есть очень хочется.

В сумерках священнодействуем у приличного по размеру казана, по очереди и строго по времени в кипящую воду опускаем порезанную картошку, головку лука, затем рыбу, и в завершение мелко порезанную зелень и специи. Еще пять минут, и будет готово. Брезент расстелен, овощи и хлеб нарезаны, бутылка открыта.

В предвкушении ухи облизываемся – аромат от казана идет бесподобный, даже жалко, что улетает он в привычную

окружающую тишину. И вдруг шаги – кто-то идет по берегу, невидимый в темноте. Не удивлюсь, если ориентируется не на костер, а на доносящиеся от него запахи.

Наконец появляется мужик, типичный местный абориген, существующий на дары природы. А если проще, то стопроцентный браконьер. Мы тоже не святые, но пойманную рыбу съедаем сами, а он ее продает из под полы, и на это живет неплохо.

Мужик поздоровался, присел у костра. Достал коробку с самосадом, организовал самокрутку. Прикурил от головешки, и решил с нами пообщаться:

«А какая рыба у вас в ухе?» – принял нас за дилетантов и вдобавок не местных. Решил его в этом не разубедить, и ответил по дилетантски:

«Да разная варится, какую купили»,

Глаза у аборигена загорелись:

«И маринка есть?»

Маринка рыба вкусная, но опасная – нужно выбрасывать голову и снимать черную пленку из полости, вмещающей внутренности. Иначе сто процентное отравление со смертельным исходом. Все это мы отлично знали, да и маринки у нас не было. Но Паша решил подыграть:

«Ага, и маринка варится!»

«А вы у нее башку и пленку черную выкинули?» – мужик обратился весь во внимание. А Паша продолжал свое:

«Да нет, так с головой и варим!»

И здесь произошло то, что никто из нас и в мыслях не мог представить. Со словами: «Ну так ее и жрать нельзя!» непрощенный гость красивым жестом у всех на глазах швырнул почти докуренную самокрутку в казан с готовой ухой!

На мгновение мы окаменели, а этот всезнайка смотрел на нас, как папа римский на падшую женщину. Паша пришел в себя первым:

«Ах ты гад!» – бросился на мужика, повалил его на спину, и подбирался к горлу. Александр упал на спину и зашелся в гомерическом хохоте, а я схватил поварешку и ловко – господи, хоть здесь ты помог! – выхватил расплзающийся окурок вместе с поллитрой жидкости.

Позже, когда малость успокоились и уже с юмором вспоминали фокус нашего гостя, при первой возможности смывшегося в темноту, пришли к убеждению, что сами и виноваты. Правильно мужик сделал, как ни крути. А потому простили его заочно, и убедились, что уха аромат окурка впитать не успела.

Вскоре бутылка пуста, юшки в казане чуть-чуть на доньшке. Пресыщенные окончательно, отвалились на брезент в удобную для каждого позу.. Начались байки, анекдоты о рыбалке, интересные истории. Ночь, тишина, яркие звезды, тихо плещет вода – удивительная благодать кругом!

Постепенно все начинают клевать носами. Усталость дает знать – с четырех утра на ногах, да еще и в поле побывали. С брезента лишнее убираем в машину, на нем разворачиваем

спальники.

Все, отбой до утра.

Опер

Звук отличался от обычных проявлений ночной жизни маленьких, богом забытых степных поселков, в каких по воле обстоятельств последние десять суток я обустроивал свой ночлег. Не шум мотоцикла или машины, лай собаки или крик домашнего животного. — к ним я привык, и не замечал в объятиях Морфея. Что-то иное, очень неприятное и агрессивное, нагло ворвалось в сознание, мгновенно отреагировавшего кошмарным сновидением: огромный и фантастической формы лайнер падал на землю, ревя двигателями.

В ужасе я пытался убедить себя, что такого не может быть, что это не то и не наяву, однако звук все усиливался и становился настолько ощутимым, что сомнений в его реальности не возникало. Внезапно он перешел в скрежет, потом в визг на таких нотах, что проснулся бы и мертвый. Я открыл глаза, и обнаружил себя в уютной кровати городской квартиры, мокрым от только что пережитого кошмара.

Фу ты черт! Надо же такому присниться! А я-то, я-то вчера вернулся из командировки!

Комнату заливало раннее утреннее солнце, и как ни странно, стояла почти идеальная тишина. Лишь воробьи чиркали за окном на деревьях, да монотонно шаркал метлой

дворник, подметая тротуар под моим балконом. Такая реальность воспринималась с удовольствием, однако картины сновидения из памяти не уходили. Мысли по «ужастику» с удивительной быстротой мелькали в голове еще одну-две секунды, до непонятного грюканья, донесшегося с улицы. И сразу ему вслед раздалось хорошо знакомое шипение выпускаемого из накаченной камеры воздуха. Оно и поставило все на места: «тройка», знаменитый трамвай-рыдван выпуска давних лет давней пятилетки. Он то и вышел в первый рейс!

В этой телеге, трижды или четырежды выработавшей возможные ресурсы, каждая деталь давно живет самостоятельной старческой жизнью, скрипя, дребезжа, стучая и грюкая внутри себя, и на сочленении с товарками. К тому же полностью отсутствуют шумопоглощающие устройства там, где стальные рельсы соприкасаются со стальными колесами без обязательных для современных машин резиновых накладок. Отсюда непрерывные скрежет и визг, а заодно и кошмары у гостей города и тех его жителей, кто уезжал на время и вернулся с утраченным антитрамвайным иммунитетом. Его я потерял за десять дней своих путешествий.

Третий номер еще раз прошипел пневмосистемой и покаким по маршруту дальше, продолжая веселить граждан шумовыми эффектами, мне же оставалось подумать, чем теперь, когда в небытие вернуться невозможно, заняться. Понятно, что для дел рановато, но если встать сам бог велел, то будет не против, если я немного уберусь в квартире.

К восьми часам она сияет чистотой и порядком, сам облачен во все чистое и глаженное, лишённое ароматов надоевшего пота и грязи. Теперь можно двинуть в управление, где у меня два важных дела.

Первое – не опоздать, и вопросы по работе решить до обеда. Ну может ещё чуток дня захватить, если отчитаться за командировку легко и быстро начальство помешает.

Второе дело очень личное. Десять дней среди мужиков интерес к представителям прекрасного пола подогрели настолько, что кровь чуть ли не закипала при виде любой приятной мордашки. Но всегда тут же возникал образ Танечки, секретарши моего шефа. Из чего я сделал вывод, что к этой голубоглазой блондинке равнодушен, часто о ней вспоминаю и чувствую при этом непонятное волнение. Приятельские отношения между нами начались давно, но сейчас этого казалось недостаточным. А посему твердо решил сегодня о своих ощущениях с девушкой поговорить, с надеждой на взаимность и посвящением вечера исключительно радостям жизни. С этим настроением вышел на улицу.

К черту трамвай и троллейбус! Сегодня в самый раз пешечком – подышать свежим воздухом влажным и прохладным, посмотреть на зелень деревьев. Этого не хватало последние дни! С удовольствием шагаю по засаженной кустами и деревьями разделительной полосе проспекта. Дорожка заасфальтирована, идти легко, а деревья и кусты добавляют в воздух кислорода и свежести.

Однако работать ногам, а глазам радоваться не получается. Не хочу, стараюсь не напрягаться, но мысли в голове на тему одну: как докладывать начальству об «успехах» на ниве борьбы с криминальным элементом. Хотя если честно, десять дней командировки были заведомой пустышкой изначально для меня, Алексея Васильевича Валуева, и моего тезки, Алексея Александровича Ковалева. Нас отправили за четыреста километров в поселок Солнечный, где пришлые или местные ловкачи за две недели умыкнули три машины от магазинов, куда за покупками приезжали их хозяева.

Владельцы двух первых, простые работяги, с милицией дел раньше не имели. В местном отделении им много чего наобещали, не оформив документов для заведения уголовных дел. Очень не хотели ухудшать показатели работы, надеялись, что все как-то рассосется. А владельцем третьей оказался начальник, хоть и мелкий, но сообразивший, что местные товарищи машину ему не вернут никогда. Он не поленился приехать в областной центр, обратиться в нашу контору, вдобавок с коллективной жалобой оскорбленных пострадавших на отсутствие должного рвения на месте. В итоге дело по угонам начальство взяло на контроль, а я и Алексей Александрович показали достаточно свободными, что бы отправиться на место преступления с полномочиями организовать широкомасштабные поиски угнанных транспортных средств. Для оперативности выделили служебный Уазик, почему то без шофера. Ну и лады, спасибо и за это. Все

же не пешком, и не забивать голову транспортными проблемами.

К нашему приезду на место преступления время сбора фактов «по горячим следам» безнадежно ушло, и разбирательства мало что дали. Как выяснилось, одну машину, вторую из угнанных, взяли покататься пацаны и бросили ее в зарослях кустарника рядом с поселком. Там она и была найдена самим хозяином, правда, без колес и аккумулятора, умыкнутых непонятно какими злодеями.

Две другие машины благополучно исчезли. Угонщиков, славянина и казаха, вместе с машиной видели местные чабаны на проселочной дороге, но с приличного расстояния. Никто из местных жителей по описанию опознать их не смог.

Эти же дети степи позднее видели так же издали предположительно вторую угнанную машину. Получается, что в обоих случаях преступники действовали по одной схеме, предполагая, что поиски вести вряд ли будут. Если наблюдения чабанов можно считать следами преступления, то они обрывались в семидесяти километрах от места угонов, недалеко от поселка Придорожный, расположенного на шоссе от Солнечного в сторону областного центра.

Вот такими оказались наши «успехи». С ними мы вернулись в город доложить начальству и определить дальнейшие действия по проверке рынков автозапчастей, автостоянок, гаражей, автосервисов и так далее и тому подобное.

Возвращались порознь. Алексей Александрович, как

старший, работал с местными детективами в Солнечном и на его окраинах. Отсюда было прямое автобусное сообщение с родным домом, чем он, не теряя времени и воспользовался. Мне же, получившему в распоряжение Уазик, досталось дальнейшее окружение, то-есть несколько поселков в степи, разбросанных в радиусе до ста пятидесяти километров. Связь между ними осуществлялась по вздым разбитым и пыльным проселкам, что и задержало меня почти на сутки. Но о возможной задержке Алексей Александрович знал – мы заранее обговорили возможные варианты. Так что все нормально.

Не торопясь, дыша свежим воздухом и перебирая в памяти события прошедших дней, я дошагал до управления. На входе дежурный в своей клетушке разговаривал по телефону. Кивнул, показав что меня заметил. Не отвлекая его, поднялся на второй этаж. Коридор пустовал – до начала работы двадцать минут. Собрался покурить у окна и подождать Танечку, которая как любая секретарша приходила пораньше. Прикурил сигарету, затянулся, в душе осуждая пагубную привычку и ... почувствовал, что здесь не один. Из приемной начальника в конце коридора доносилось приятное постукивание женских шпилек. Уборщицей это быть не могло, что-то не встречал женщин на шпильках с метлой или шваброй, а вот секретарша шефа – вероятность почти сто процентов. Стараясь не шуметь, подкрался к приоткрытой двери, два раза тихонько стукнул и распахнул ее пошире – симпатичная голубоглазая блондинка в ярком летнем пла-

ть, очень удачно подчеркивающим все прелести, перебирала бумаги на столе. Увидев меня, грациозно как всегда и везде выпрямилась и собралась улыбнуться.

А я улыбку сотворил еще в коридоре, и со словами «Здравствуй Танечка» шагнул к ней с намерением поцеловать ручку, что мне дозволялось в отсутствии посторонних. Танечка с улыбкой ответила: «Здравствуй дорогой», – и мгновенно погасив ее, строго добавил, – «У нас не курят!» Пришлось вместо поцелуя подойти к урне и сигарету потушить. Красавица с удовлетворением проследила за моими действиями и по окончании их улыбнулась поощрительно, разрешая продолжить общение.

Минут пять мы мило беседовали. Я делился тяготами холостой жизни, Танечка – местными новостями за мое отсутствие. В подходящий момент, что бы разговор с тем общих перевести на личное и чуть-чуть интимное, поинтересовался:

«А у тебя-то как дела? Шнурочек не пришлось перевязывать?»

Эти слова улыбку ее погасили:

«Какой шнурочек? О чем ты?»

Как о чем, все о том же. Танечка трепетно относится к своей внешности, за фигурой следит можно сказать ежечасно. О ее ограничениях в еде, диетах, отвращении ко всему вкусному и калорийному ходят легенды. А для контроля есть шнурочек, постоянно плотненько затянутый вокруг талии прямо

по голому телу.

Его разглядела одна из подруг, добилась правды о назначении, а попутно и о душевных переживаниях, ежели приходилось перевязывать для увеличения длины окружности – ограничения в еде и диета ужесточались до тех пор, пока шнурочек не восстанавливал первоначальный размер.

Такие новости подруга в силу особенностей женского характера держать в себе не могла и кое с кем поделилась. Процесс пошел, и постепенно охватил всех знакомых. Не знаю как женщины, но представители мужской половины с вопросами о шнурочке к Тане не приставали – на работе она терпеть не могла фамильярности и быстро ставила на место любого. Всех, кроме меня – мы давно симпатизировали друг другу, и отношения подошли к стадии плавного перехода от чисто дружеских в чуть-чуть интимные. Только подошли, не более – у Танечки был законный супруг. Но разговаривали мы обо всем, и сейчас я этим воспользовался:

«Ты же знаешь какой! Тот, что на животике, чуть повыше трусиков!»

«Ну нахал!» – и с улыбкой, – «Откуда знаешь?»

«Да все знают. У мужиков слюньки бегут, проверить хочется!»

«Много хотят!» – уже серьезно, – «Только почему то все, кроме тебя!»

«Ну...я тоже с удовольствием!»

«Да?» – опять улыбка, – «И когда тебе показать?»

Я собрался предложить, что можно и сегодня – десять дней воздержания явно сказывались, но приятный разговор пришлось срочно прервать. В двери появился начальник управления Игорь Константинович Старцев. Принятый нами деловой вид его ничуть не обманул – видно по смешинкам в глазах. С секретаршей он поздоровался как всегда:

«Привет, Танюша!»

А в мою сторону обронил:

«Сиди здесь и жди, Скоро вызову,» – и прошел в свой кабинет.

Вот те да! Хорошее меня не ожидает, ежели Игорь Константинович не здоровается. Таня это тоже знала отлично, и на меня посмотрела с сочувствием.

«Всегда так с тобой, обязательно помешают в нужный момент», – попыталась разрядить обстановку, – «Ладно, садись, у меня работа началась!» С гримасой легкой обиды, уже секретаршей, а не подругой, она упорхнула в коридор с графином в руках. Как я полагаю, за водой для первого кофе. На часах без минуты девять. Что ж, сажусь, хорошего ничего не ожидаю. А вот что ждет плохое – очень даже интересно!

В приемную Таня вернулась не одна. Пропустив вперед солидного вида мужчину, предложила тому присесть, сделала мне глазки, и с полным графином прошла в уголок, где как я знал, за ширмой стоял столик с принадлежностями кофе-чайной церемонии.

Мужчина, ясно начальник, поздоровался со мной ровным

голосом. Обычное приветствие двух незнакомцев по необходимости. И присел в сторонке, выразив отсутствие намерения пообщаться. Да на него и времени не осталось – из кабинета выглянуть Игорь Константиновича, обвел нас взглядом:

«Уже здесь? Прошу обоих!»

В кабинете поздоровался за руку с только что пришедшим, мне опять ни слова. Подвел того к столу:

«Садитесь!» И показал жестом куда именно садиться мне, так что бы оказался не рядом, а напротив посетителя. Затем обогнул стол, занял свое кресло, и меня представил:

«Павел Петрович, это Алексей Александрович Валуев, наш сотрудник, с которым вы будете работать. Познакомьтесь пожалуйста».

Я и Павел Петрович встали, кивнули друг другу, пожали руки. По завершению процедуры, шеф обратился к моему новому знакомому:

«Павел Петрович, повторите пожалуйста все, о чем мы с вами говорили вчера. Пожалуйста поподробнее, с деталями» Затем нагнулся к пульту вызова секретарши: «Таня, ко мне никого, я занят»,

Мой новый знакомый глубоко вздохнул, и глядя в пространство между мной и начальником начал:

«У нас украли тридцать килограмм золота».

Ну и ну! В голове закрутился рой мыслей, трансформировать которые можно в двух выводах:

– ну и охрана в наших банках (а где еще хранят золото?), и

– а причем здесь я, со своим угонным машинным отделом и только четырьмя маленькими звездочками на погонах?

Мой рот непроизвольно открылся поведать об этом собеседникам, но Игорь Константинович коротко пресек:

«Помолчи!» – а Павлу Петровичу, – «Пожалуйста с самого начала!»

«Хорошо», – тот на секунду задумался, и продолжил, – «Я начальник геологической партии. Ищем все, что может быть, но специализируемся по золоту. Работаем давно, нашли и изучили несколько объектов. Там начали добычу, но это уже не мы, наше дело только найти и изучить. Так вот, четыре года назад появился объект, очень хороший. Вскрыли его с поверхности – канав столько накопили, черт ногу сломает, потом разбурили все. Короче, рудное тело – это порода, в которой есть золото, оконтурили, а на глубине пересекли скважинами.

Последние два года вели самые ответственные работы. Прошли шахту, знаете наверное, что это такое. Из шахты прошли горизонтальные выработки прямо по руде. Мы их называем рудными штреками»,

Здесь геологический босс остановился, пожевал губам:

«Я, конечно, объясняю примитивно, без деталей. Хотя все сложнее некуда», – ну конечно, у других всегда проще, – «Как проходят рудный штрек? Вначале на забое, это на его окончании, берут много проб, десятки. И по стенам штрека, и грубо говоря, по полу и потолку тоже отбирают пробы.

Это обязательно. Затем вперед забоя бурят шпуры – дырки в породе, горизонтальные дырки длиной чуть больше метра. В них закладывается взрывчатка и все взрывается. То-есть, порода дробится, обрушается и штрек как бы продвигается вперед на метр. Вот так. А теперь самое главное. После каждого взрыва разрушенная порода поднимается на поверхность и складывается на специальной площадке, каждая отпалка отдельно, по порядку, и каждой куче породы дается свой номер. Сейчас объясню для чего.

Помните, что вначале отбираются пробы? А что бы их обработать, сделать анализы, уходит в лучшем случае месяц, а то и больше. А анализы еще нужно просчитать, обобщить. Ну много чего еще нужно. В итоге только через два-три месяца узнаем, сколько чистого золота содержится в каждой тонне породы в каждой отдельной куче. То-есть, в каждой отпалке».

Павел Петрович опять пожевал губами.

«Шахту мы весной прикрыли, что можно демонтировали, а за остатками приглядывает сторож. За площадкой с рудой тоже.

Послали туда экскаватор и самосвал – часть руды собирались отправить на изучение дальше. А геолог не нашел несколько отпалок. На плане есть, а в натуре нет. Так что вернулись ни с чем.».

Он сделал паузу и продолжил:

«Дело такое, что ... я с главным геологом рванули туда

сразу же. Точно, нет четырех отпалок. Сторож на месте, место безлюдное, а руды нет. Потом подсчитали: тридцать килограмм золота, в самых богатых отпалках. Для нас конечно не смертельно, замену найдем, но золото все же умыкнул кто-то. Вот с этим я к вам приехал».

Павел Петрович замолчал, тяжело вздохнул и по очереди посмотрел – на меня отвлеченно, а на Игоря Константиновича с надеждой.

«Все понял?» – это шеф мне.

«Понял, только», – ну да, что никаких выходных мне не видать и даже приятный вечер сегодня не светит – это я понял, а вот что дело не угонного отдела – об этом хотел напомнить.

«Никаких только», – Игорь Константинович посмотрел на меня в упор и очень серьезно, – «дело угонное, и тебе разобраться, откуда угнали машины, куда их вернули и кто это сделал. Золото здесь вторично, так что тебе и карты в руки. И не тyani. Выезд сегодня, как только соберетесь», – здесь он глянул на геологического начальника и тот согласно кивнул, – «Временной фактор важнейший, сам знаешь. А аванс тебе дадут»,

Ну как мысли читает! Я только собрался вопрос задать, а уже ответ слышу! Все же несколько вопросов задать изловчился, и с полчаса мы уточняли пути движения информации о содержании золота в пробах, начиная с лаборатории в городе, где делают необходимые анализы, и до руд-

ной площадки непосредственно в геологической партии. Определили круг работников, с этой информацией связанных, и предварительно посчитали, что никого подозрительного в областном центре не вырисовывается. В завершении разговора Игорь Константинович чуть-чуть меня обрадовал:

«Машиной тебя Павел Петрович обеспечит, можешь не спрашивать. Детали обговоришь с ним по дороге, ехать вам долго. Так что оформляй документы, получай деньги, и до свидание». Хорошо хоть о бабках не забыл!

Здесь хозяин кабинета встал, нам ничего не оставалось, как повторить то же самое, а мне вдобавок повернуть в пол оборота и сделать шагом марш из кабинета.

В приемной Танечка вопросительно на меня посмотрела, но сидел посетитель. Оставалось прискорбно махнуть рукой и выйти в коридор успокоиться сигаретой. Минут пять я вводил в себя никотин, дождался геологического начальника и быстро договорился что и как нужно делать перед отъездом, время которого по обоюдному согласию наметили на «сразу после обеда», прямо от управления.

А потом я закрутился-завертелся как белка в колесе. В комнате угонного отдела Алексей Александрович ждал с утра, уже зная, что мне поручено новое дело. Пару часов обсуждали совместно проделанную работу. Затем я заделался писакой и столько же времени сочинял мыслимые и не мыслимые бумаги непонятно для кого и для чего. Это только по прошлой командировке. Потом оформлял бумаги по пред-

стоящей работе. В итоге обеденный перерыв закончился, а я только-только завершал писанину.

В окно увидел, что к управлению подъехал Уазик, из него вышел Павел Петрович и начал прохаживаться у проходной, поглядывая на часы. Заставлять ждать – последнее дело. Я ускорил темп и через пятнадцать минут все завершил, включая процесс прощания с сочувствующими сослуживцами. Выскочил в коридор с намерением бежать на улицу, но ноги понесли почему-то совсем в другую сторону – к приемной.

Танечка сидела за столом, что-то печатала. На меня подняла голову:

«Ну как?»

«Кранты», – я махнул рукой, – «прямо сейчас уезжаем, опять наверное дней на десять!»

«Тогда счастливо! Вспоминай меня иногда!»

«Это само собой. И шнурочек то я еще увидеть должен!»

«Смотри, не задерживайся! – Танечка улыбнулась, – «Надоест ждать – другому покажу!»

«Я по ночам работать буду, А сейчас извини, бежать нужно, ждут уже».

«Ну беги, беги! Пока! – и послала мне воздушный поцелуй.

Через минуту я был на улице у машины, через десять минут подъехали к моему дому, а еще через пятнадцать я вышел из него переодетый и с «командировочной» сумкой через плечо. Павел Петрович и шофер сидели на скамейке у

подъезда – в кабине при стоянке жуткая духота. Увидев меня поднялись, все вместе подошли к машине и начали занимать места. На часах было четыре тридцать.

Дорога к геологам оказалась знакомой. С пол часа петляли по улицам города, наконец позади остались последние частные дома окраин в зелени садов и огородов. Дальше по серой выжженной солнцем степи в направлении хорошо знакомого по командировке поселка Солнечный шоссе тянулось по левому краю широкой долины, зажатой между грядами мелкопочника. Правее от нас в полутора километрах постоянно проглядывала насыпь железной дороги и редкие домики возле нее.

Километров двести проехали, разминувшись лишь с десятком встречных машин. Местность очень слабо обжита, из следов деятельности человека видели в сторонке пару маленьких поселков, да иногда проглядывала насыпь железки.

Еще через час Костя притормозил у дорожного указателя: «Прямо – п. Придорожный – 50 км, п. Солнечный – 120 км. Направо – п. Мирный – 40 км», Знакомый указатель, до него дорогу припоминал. За ним повернули направо, из сопок выехали к долине, немного проехали по краю, и покатали поперек ее к видневшейся железнодорожной насыпи. Теперь асфальт был узким настолько, что две машины в ширину еле вмещались. Павел Петрович объяснил: это ведомственная дорога, проложена золотодобытчиками для собственных нужд и за собственные деньги, связывает поселок горняков

Мирный с железной дорогой, куда руда подвозится Камазами, и с областным шоссе..

Железная дорога оказалась однопутной, проезд через нее неохранный. В стороне слева стояло несколько одноэтажных домиков, а уже за ними, на огороженной колючей проволокой площадке с подведенными туда рельсами, виднелись какие-то кучи и торчала вышка с прожектором. Кучи и были рудой. Сюда, на площадку, ее привозят машинами, и здесь перегружают в вагоны.

За железной дорогой из долины нырнула в мелкосопочник, и дальше километров тридцать поражала пустотой: ни машин, ни людей, ни поселков, ни приличных кустов. Скалы, бугры с развалами камней, выжженная солнцем трава.

Быстро темнело. Костя включил фары и поехали со светом. После привычных коротких ныряний вниз-вверх, начался долгий пологий подъем. На самой вершине еще издали заметил непонятное сооружение высотой метров пять из бревен или балок, в виде абстрактной фигуры. Мы быстро приближались к ней, и почти поравнявшись, я успел прочитать: «п.Мирный». Громадные буквы из железобетона стояли на железобетонной наклонной балке в обрамлении причудливым орнаментом, тоже железобетонным.

Оторвал взгляд от этого придорожного чуда в последний момент – машина поравнялась с ним и выскочила на вершину подъема. Впереди простиралось ровное плато, а совсем рядом сиял электрическими огнями беленький аккуратный

поселок, весь в еще различной зелени деревьев.

Павел Петрович обернулся ко мне:

«Поселок горняков, собственное государство. Бичи, пьяницы, лодыри не держатся. Живут работяги, кто за деньгами приехал, кто по другому просто не может. А вон там», – показал рукой, – «мы живем», – в четырех-пяти километрах от Мирного поблескивало несколько огоньков.

Через минуту ехали по поселку. Чистые аккуратные одноэтажные домики на две семьи, в зелени деревьев и маленьких огородов. Улицы и тротуары заасфальтированы, везде освещение. Чистота бросалась в глаза, я такой в родном городе не видел, а уж здесь, в глуши, никак не ожидал.

«У них все есть – магазины, школа, больница», – пояснил Павел Петрович, – «Живут как боги, никакой текучки, наоборот, никого не выгонишь, даже пенсионеров. У нас лучших специалистов переманивают». Очень на правду похоже, по крайней мере, первые впечатления от увиденного наилучшие.

Сразу за домами пошли хозяйственные постройки, гараж с десятками стоящих машин, преимущественно Камазов, и вновь темнота пустой степи.

Поселок геологов светил огоньками левее. Минут через пять Костя начал притормаживать, и с асфальта свернул к нему на разбитый проселок.

«Теперь уже дома, а эта», – Павел Петрович показал рукой на асфальт, с которого съехали, – «пошла на участки, где

золото добывают. Дальше все, степь пустая»,

Еще пару минут, и обогнув поселок геологов, проезжали вдоль его обратной стороны. После Мирного смотреть не на что. Несколько рядов небольших домиков, в основном деревянных, реже саманных. Все скучено, улицы пыльные, без покрытия. Деревьев не видно, кое-где маленькие огородики. «Дыра», как говорят в таких случаях.

Впереди показалось длинное здание с флагом на крыше.

«Наша контора», – с облегчением вздохнул Павел Петрович, – «Сейчас вас быстро устрою».

Машина остановилась у крыльца, где нас уже ждали. Двое мужчин спускались по ступенькам, и пока мы выгружались с сумками, подошли к машине. Поздоровались, меня представили т. Николаеву, главному инженеру, и т. Малькову, инженеру по технике безопасности. Костя быстро уехал, а наша четверка направилась в здание, и миновав длинный коридор, прошла в дверь с табличкой «Нач. партии т. Добрынин П.П.». Я начал осматриваться, но первые слова т. Николаева заставили насторожиться:

«У нас ЧП, сегодня на шахте нашли сторожа мертвым».

Павел Петрович на глазах помрачнел, бросил всем: «Садитесь», а т. Николаеву: «Давай по порядку».

Говорил он долго. Я молча слушал, вникал в суть, иногда задавал вопросы. В итоге выяснил, что сторожа на злополучной шахте дежурят сутками. Новая смена отвозится машиной в пять часов вечера ежедневно, а в девять утра сторож

обязательно звонит по радиотелефону, обычно главному инженеру, и докладывает об обстановке. При необходимости связывается и днем.

Сегодня утром связи не было, но на это внимания не обратили. Мало ли что бывает. Попытались несколько раз связаться до обеда – не получилось. Поняли, что-то не то, отправили машину с т.Мальковым разобраться на месте.

Сторожа нашли в комнате, где он обычно отдыхал после обходов территории, лежащим на полу на спине, мертвым. Рядом с головой – блевотная масса. На столе пустая бутылка из под водки, остатки еды, в углу комнаты штатное оружие – одноствольный дробовик.

Ничего трогать не стали, обо всем сообщили в партию т.Николаеву, а уже он позвонил в отделение милиции и скорую помощь п.Мирного.

Главный инженер приехал на шахту с работниками милиции, позже подъехали на своей машине медики.

Пока расспрашивали т.Малькова и шофера партийского Уазика, главный инженер обошел все объекты – вроде ничего не украдено, руды на площадке меньше не стало, каких-либо следов взломов тоже нет.

Приехавший медработник констатировал смерть, после чего тело увезли в морг на вскрытие. Уже к вечеру сообщили, что смерть наступила от удушения рвотной массой в состоянии сильного опьянения. Работниками милиции фактов насильственной смерти не найдено. Обе инстанции склонны

считать смерть несчастным случаем.

На этом все полностью выговорились и уставились на меня с ожидающим выражением на лицах. После короткой паузы Павел Петрович поинтересовался:

«Что делать будем дальше?»

Что делать ... Да ничего! Не знаю как у других, а у меня с утра голова забита под завязку, да и дорога ...не отдых. Так что в самый раз по домам, мыслей полезных сегодня не ожидается. И время – в постель пора.

Примерно это я высказал в культурной форме, с чем все согласились. Договорились завтра в восемь утра здесь же встретиться, и разошлись. Правда, меня предварительно устроили в гостинице (и такая оказалась), потом и на ужин затащили, все к тому же Павлу Петровичу.

Часть вторая

16-17 июля, суббота-воскресенье.

Геолог

Еще в темноте ребята потихоньку, что бы меня не разбудить, вылезли из спальников и разошлись с удочками. С надеждой поймать рыбу серьезную, вроде сазана или судака весом не менее килограмма. Я конечно проснулся, но пролодырничал еще минут сорок, пока солнце не поднялось и не прогрело воздух. Теперь и из спальника можно вылезти – разжег костер, поставил на него воду для чая, достал остатки еды. Зову всех на завтрак, возле костра рассаживаемся. Ребята по чуть-чуть выпивают, мне нельзя – за рулем. Никто приличный им на удочки не попал, вся надежда на меня, точнее на перемет.

Ребята снова расходятся, а я выплываю на резинке снять снасть. Как всегда, она не подводит: сомы, судаки, пара жерехов. Всего килограмм тридцать, по десять на брата – на неделю больше и не нужно. Ребята на берегу меня встречают, рассматриваем улов с обычным для рыбаков трепом. Потом моем посуду, укладываем вещи в машину.

Время – начало двенадцатого. Жарко. Когда все собрано и уложено, лезем в воду. Благодать такая, что вылезать нет

никакого желания. Но хорошего понемногу, и в двенадцать отъезжаем домой.

В партии появились к обеду. Развез ребят, высадив каждого у дома с долей улова, потом подъехал к себе. Машину загнал в гараж, сам с рыбой прошел во двор. Жена уже ждала на крыльце:

«Ты знаешь, что у нас сторож погиб?»

«Какой сторож?» – не понял я с налета.

«На шахте. Не то убили, не то сам умер. Точно не знаю»,

«А когда?»

«Да вы на рыбалку уехать не успели! А сегодня начальство в камералке сидит, и мужчину какого-то Павел Петрович из города привез!»

«И что они делают?»

«Откуда я знаю? Я же с начальниками как ты не общаюсь»,

«Схожу к Игорю Георгиевичу, он то точно все знает»,

«Можешь не торопиться, он тоже там сидит!»

Интересно получается! Вначале руду с шахты «умыкнули», теперь сторожа «того». Ладно, подожду до вечера, не будет же начальство совещаться вечно.

Света посмотрела улов, выбрала самую большую рыбку и понесла ее подруге. А я занялся остальной: чистить, потрошить, разрубать на кусочки, все мыть и складывать в холодильник. Радость моя этим не занимается по принципу: кто ловит (то-есть отдыхает), тот и грязную работу делает. Ну и

бог с ней, не велик труд. Зато я в уборке дома не участвую, не доверяется мне такое дело.

Идти к Игорю Георгиевичу не пришлось. Ближе к вечеру он появился у меня в огороде. Рассказал новости: сторож на шахте вовсе не убит, а умер с перепоя, оперативника Павел Петрович привез из города не из-за его смерти, а из-за пропажи руды; что целый день они сидели и гадали, кто бы мог показать преступникам самые богатые отпалки возле шахты, но подозревать некого; и что он должен меня познакомить с оперативником, потому что тому нужен помощник, знающий местность и разбирающийся в геологии. Потом пригласил меня с женой на обед, на завтра, где будет этот оперативник. Мне ничего не оставалось, как согласиться, но жена отказалась сразу – у нее запланирована поездка, не зря машину на воскресенье «забила» заранее.

Утром Света умотала, предупредив, что бы не ждал до вечера, а я до обеда занимался огородом – после охоты и рыбалки мое любимое занятие, если есть свободное время.

В гостях у Игоря Георгиевича познакомился с оперативником, ментом то-есть. Симпатичный парень, чистенький, аккуратненький, стильненький. Не полевик точно. Покушали, потом долго во дворе разговаривали, уже с пивом. Парень сразу видно умный, умеет и слушать, и говорить. Правда, больше слушать и задавать вопросы. Отношение к услышанному старается не показывать, копит в себе информацию. Понял я, что общаться с ним трудности не представит

и настроения не испортит. Договорились встретиться завтра утром, и ближе к вечеру разошлись.

Опер

Утром организм подсказал, что не мешает перекусить – и я обреченно вздохнул. Вспомнил командировку, когда в похожих поселках питался всухомятку и в таких забегаловках, что не удивился бы, ощутив симптомы прогрессирующего гастрита или не дай бог язвы желудка. Но делать нечего, и столовую я нашел, рядом с гостиницей. А в ней – приятный сюрприз – поразил уют, чистота и сплошная вкуснятина. Отлично позавтракал!

Наверное, вкусная еда подействовала: когда вышел из здания общепита и прошелся по поселку, выглядел он лучше вчерашнего. Грязь и мусор в глаза не бросались, заметил и цветы, и травку в огородиках, вместе с овощными растениями. Жизнь, оказываеися, и здесь торжествует.

К восьми часам подошел к конторе, и на входе встретил вчерашних собеседников. Поздоровались, обменялись дежурными фразами о погоде и через маленькую проходную комнату, в каких обычно сидят машинистки, прошли в кабинет начальника. Выглядел он шикарно: большой полированный стол хозяина и его кресло в коже, второй длинный стол для совещаний под красной материей, ряды дорогих стульев; стены оббиты красивой вагонкой, на одной из них стеклян-

ные стеллажи с образцами столь же красивых камней. Не забыть попросить парочку – подумал про себя и вздохнул: пора приступать к делу.

Вопросов уже больше, чем я рассчитывал, и в первую очередь не мешает разобраться с последним ЧП на шахте. Вдруг есть связь с пропажей там же золотосодержащей породы? На первый взгляд вроде нет, но оба события связаны одним местом, что не может не насторожить.

Поговорили, и выяснились интересные подробности. Погибший – гражданин Овечкин Иван Иванович – долго работал в партии подсобным рабочим на складе, и с этой неприметной должности ушел на пенсию. Жил тихо, до безобразия не напивался, и замечался только «навеселе». Пенсию получал небольшую, вот и напросился на шахту сторожем, подзаработать. Приняли с удовольствием – человеком считался надежным, да и молодые на такую должность, тем более временную, не рвались.

Всех удивляло, что смог он выпить бутылку водки один – в любой компании больше двухсот грамм не принимал, после чего мирно шел спать. В этой нестыковочке – человек не злоупотреблял и вдруг до безпамятства – что-то подозрительное проглядывало. Следов насилия вроде нет, но мог выпить лишнее под угрозой. Или в спящего влили с пол бутылки.

Очевидно, что патологоанатом, проводивший вскрытие, не посвятил начальство из партии в детали, для меня же мог-

ли оказаться важными даже предположения, на данный момент не подтвержденные.. Поэтому встречу с патологоанатомом считал обязательной, и на понедельник ее наметил.

Товарищ Мальков, инженер по технике безопасности, вдруг вспомнил, что пару недель назад ему пожаловался шофер, отвозивший на шахту очередную смену. По его рассказу, отдежурившего – все того же гражданина Овечкина – еле довез домой, не то сонным, не то «черт знает каким». Тогда на это т. Мальков внимания не обратил, посчитал что сутки человек не спал, вот и отключился в машине.

Молодец, что вспомнил, фактик не последней важности. Поговорить с шофером и сторожем-сменщиком сразу же намечаю. Хотя мысль, что в ту ночь руду с шахты умыкнули, в голову постучалась. Больше по Овечкину ничего заслуживающего внимания не оказалось, и тему оставили в покое (пока). Перешли к другому.

Сегодня суббота, лишних людей в конторе нет, и самое время спокойно ознакомиться с лицами, имеющими доступ к документам, без знания которых самую богатую руду увезти невозможно. Информацию кто-то из партийских преступникам передал, вот этого человека нужно вычислить.

Однако пришлось прерваться. Оказалось, что «информатором» может быть инженерно-технический работник геологической службы, а передо мною сидели администраторы, в нужных людях разбирающиеся не очень.

Павел Петрович предложил т. т. Николаева и Малькова

отпустить, как лиц в данном вопросе некомпетентных, а вызвать старшего геолога Николая Матвеева, руководившего геологическими делами на шахте, и главного геолога Торина Игоря Георгиевича. А заодно и начальника отдела кадров, у которого хранились личные дела на всех работников. На этом порешили и разошлись на обед.

Через час собрались в другом составе, меня новым лицам представили. Теперь на вопросы отвечал главный геолог Игорь Георгиевич Торин, интеллигент явно не в первом поколении. Иногда подключался Николай Матвеев, старший геолог на злополучной шахте. По виду чуть моложе своего начальника, порезче в движениях и интеллигентности поменьше, явно проглядывает этакий рубака-парень. Сразу выяснилось, что изначально ограничить круг подозреваемых невозможно, потому что с первичными документами – журналами документации, планом рудной площадки – мог ознакомиться любой ИТР геологической службы. Как и с результатами анализов проб, которые делались в областном центре и исходящие документы не считались секретными. Так, для служебного пользования. Что бы точно из внимания ни одного человека не упустить, задаю вопрос:

«Кто привез результаты анализов в партию?»

Об этом не помнят или не знают. Павел Петрович молча вышел в комнату секретаря-машинистки и вернулся с приличной, как в народе говорят, «амбарной» книгой. В ней даты выдачи и приемки не секретной почты в партии, фамилии

курьеров и их росписи в получении или доставке.

Минут пять разбирались с датой, когда нужные документы появились. По книге – привезла их женщина, бухгалтер. В городе оказалась по делам денежным, а при возвращении, как обычно бывает, попросили захватить пакет. Женщина в геологии ничего не понимает, да и не знала, что везет. Ее муж – знакомый шофер Костя – вез меня в партию. По мнению присутствующих, женщина и ее муж вне всяких подозрений. Пошли дальше. Говорили долго, раза три выходили на улицу покурить. И все больше убеждался, что сидим зря. Нет никаких зацепок! Инженера и техники давно проверены, имеют допуск к секретным материалам, никого за делами плохими не замечали, золото никто не собирал. А образцы – вон какие красивые на стеллажах, за час на кольцо наковырять можно!

Время к четырем, все устали и мало что соображали. На сегодня достаточно, а вот завтра, в воскресенье, отрывать от домашних дел никого не хотелось. Решил ограничиться беседой с завгаром, и попросил начальника партии пригласить того с путевыми листами за прошлый месяц – нужно убедиться, что руду с шахты увезли не геологическим транспортом. Когда уже поднимались расходиться, Павел Петрович поинтересовался моими планами на понедельник. Я их уже наметил: посетить милицию и больницу Мирного, затем добраться до злополучной шахты и ознакомиться с ее окрестностями. Естественно, на обещанном мне Уазике. Без шофе-

ра обойдусь, но не откажусь от человека, хорошо знающего местность, и кое-что понимающего в геологии.

Начальник и главный геолог посоветовались, и такой человек был обещан: Валенов Юрий Васильевич, старший геолог, и к тому же заядлый охотник, знающий в округе все и вся. Познакомить меня с ним Игорь Георгиевич предложил завтра, когда этот товарищ появится в поселке с очередной рыбалки. И тут же пригласил на обед – возражать не дали, напомнили, что в воскресенье столовая «отдыхает».

На следующий день в том же кабинете начальника и при его участии поговорил с завгаром. Убедился, что машины в партии специализированные: водовозки, вахтовки с салонами для перевозки людей, спецмашины с геофизическим оборудованием.. Никакую руду на них перевозить невозможно. Бортовых всего четыре и задействованы под завязку. Посмотрели путевые листы за последний месяц и убедились, что участвовать в неучтенных поездках они не могли. Так же и единственный в партии экскаватор: находился довольно далеко от шахты, каждый день к нему подвозили экскаваторщика и там же забирали его после работы. Перегнать же агрегат тайно с места работы на шахту и обратно минуя поселок было просто невозможно. Стало ясно, что искать машины и экскаватор, задействованные похитителями, нужно в других местах. На этом и разошлись. Я пошагал в гостиницу, в холодок – на улице настоящее пекло, и надеялся немного полежать и подумать. Но планы нарушил Игорь Георгиевич

– зашел в мою обитель, подождал пять минут, пока я собирался, и повел к себе.

Как и у начальника партии, где успел побывать, чистота и приличный интерьер. В моем сознании это не вязалось с геологическим бытом. Что показывают в фильмах? Бородатые мужики в робах, ящики вместо столов и стульев, железные кружки... Здесь же все как в лучших домах «Филадельфии». Не мог об этом промолчать

«Мы живем здесь», – объяснил Игорь Георгиевич, – «хотя у всех квартиры в городе. В год два-три раза там появляемся, на пять-шесть дней. Поэтому устраиваемся капитально, нельзя же всю жизнь прожить среди убожества!»

«Да в городе жить невозможно!» – Юра Валенов добавил, – «Не представляю, чем там можно заняться после работы. Посмотришь, как «козла» каждый вечер во дворе забивают – тоска берет!»

У меня тоски не случалось. А вот восторга от увиденного в поселке пока не испытывал. Игорь Георгиевич понял это по моему виду:

«Вначале все как-то неприглядно, а со временем привыкаешь. Вот в Мирном побываете, ходите – и поймете, почему даже женщины в город не рвутс»,

«И почему?»

«Здесь в магазинах такое есть, чего в городе по благу не достанешь. Про больницу я не говорю: врачей переманивают – академиков почти! А что для женщины главное? Врач да

учитель нормальные!» – в этом я с ним согласен, знаю, что в городских школах и больницах творится!

Обед был выше всяких слов. Несколько приправ, закусок, свежие овощи, еще что-то вкусное. Всего понемногу, разное под каждую рюмку водки. Час пролетел быстро, все насытились. Я собрался поблагодарить и откланяться, да не тут то было. Вывели во двор к низенькому столику и таким же низеньким скамеечкам в тени дома. Появились стаканы и трехлитровая банка с пивом. Усадили, уверив что до конца обеденной программы еще далеко.

Пиво без разговоров и представить невозможно. О чем-то начали и незаметно перешли на тему о пропавшей руде. Это мне интересно: если местные деятели руду увезли, то они могли где-то здесь же ее перерабатывать. В подходящий момент прошу рассказать, как из руды извлечь чистое золото и где это можно сделать.

У геологов только предположения. Но что нужно обязательно – так это руду измельчить, превратить в тонкий песок. Поэтому нужно искать места, где осуществляется дробление породы. В специализированных лабораториях, связанных с геологией, дробилки есть, но рассчитанные на обработку небольших проб, весом в несколько килограмм. А похитителям руды переработать нужно тонны, и здесь подходят горно-перерабатывающие предприятия, рассчитанные на переработку больших объемов. Но на тех, что связаны с ценными металлами (и с золотом конечно), подпольно пере-

работать сложно, контроль и охрана на высшем уровне.

А вот в карьерах, где строительный камень добывают и дробят, можно и с рудой поработать. На таких карьерах никакой особой документации, а из охраны все тот же пенсионер с дробовиком. Ну а по знакомству и за деньги что сейчас не делается?

И еще вариант есть. Умельцы наши могут и сами выброшенную в утиль дробилку отремонтировать и оборудовать в укромном месте. И работай на здоровье, никому не мешая. А еще лучше бомжа к делу приставить, за еду, бутылку и кровать прямо у агрегата. Правда, в отличие от предыдущего варианта, в который придется вникать и что-то проверять, в этом случае даже где искать подобного подпольщика непонятно.

И совсем фантастику предложил Юра Валенов. Что такое тонна камней? Да ерунда, кучка маленькая. А в ней золото, иногда до сотен грамм. Сделай ступу железную помассивней, битую тяжелую по силе – и давай, молоти вручную. За день прилично перелопатишь. А можно к делу того же бомжа приспособить. Признаки, что подобное пытались осуществить, есть. В укромных местах в горках возле дороги, по которой руда вывозится к железной дороге, встречались подозрительные кучи спекшегося шлака непонятного происхождения. И кое-кто из местных в состоянии «навеселе» поведал, что это «золотишко» выплавляли. Может и врет, а может и правда. Тогда здесь же руду и дробили, больше негде. Поначалу в та-

кое даже Игорь Георгиевич не поверил, но обсудив с Юрой Валеновым, согласился: да, запросто может быть.

Где и как можно руду измельчить, я понял. Теперь мне объяснили следующую операцию: как руду обогатить, то есть, отделить большую часть песчинок, золота не содержащих. И здесь, по словам геологов, проблем нет: Золото в похищенной руде крупновкрапленное, при измельчении легко отделяется от пустой породы, а затем легко обогащается при простейшей отмывке, как это делают старатели в лотке. А обязательные возле куч шлака родники косвенно подтверждают, что водичкой пользовались, и плавил обогатенную шихту, где золота по объему может быть уже проценты.

Было приятно разговаривать с геологами, интересно и много нужного узнал. Но незаметно пиво кончилось, а хозяйка ушла, попросив без меры не «набираться». Ближе к вечеру меня отпустили. В гостинице разделся до трусов, плюхнулся на кровать. Легче не стало, и здесь донимала духота. Что-то делать, двигаться – сил не находил. Но немного поразмышлять можно и лежа.

Понятно, что суббота и воскресенье продвижения по расследованию не дали и дать не могли. Времени у меня было мало. Но полезное все же услышал. По крайней мере знаю, что преступники с похищенной рудой должны делать и на какие объекты ее везти для переработки и извлечения золота. Ну а если везли, то несколько машин с оригинальным грузом обязательно кто-то должен заметить. Да и сами ма-

шины организовать не просто, без следа такое не остается. А смерть сторожа на шахте? Пока причина не ясна, но сдаётся мне, что к хищению руды отношение имеет. В общем, поработать над чем есть.

А завтра я должен звонить в город, докладывать обстановку на месте и первые впечатления. Уверен, что шеф будет контролировать каждый мой шаг, если попрошу, то и помощь окажет. Она уже не помешает: проверять в городе дробильные установки на предмет их незаконного использования я возможности не имею и непонятно когда она появится. Вот в этом помощь будет кстати. Здесь же, на месте, важнее заняться проверкой грузового транспорта, начиная с Мирного, и далее по ближайшим населённым пунктам. Завтра с утра и определяюсь, в какой последовательности и с кем в этом направлении работать. Что касается смерти сторожа, Игорю Константиновичу конечно доложу и свои подозрения приведу. Есть чем заинтересовать любого. А вот по «информатору» в партии – ничего. В первой попытке его вычислить полный прокол, вторую не знаю как и начать.

Часть третья

18 июля, понедельник.

Геолог

Сегодня я при работнике милиции консультант по местным дорогам. Поэтому в поле не еду, но к пяти утра в камералку пришел, дать последние наставления подчиненным. Вообще то они прекрасно знают что делать, и волноваться нечего. Но посмотреть канавы и керн на буровых кто-то за меня должен – не дай бог перекопают или перебурят, скандала не оберешься. Особенно касается буцуровых. Враг, то-есть т. Николаев, не дремлет. Назначаю ответственным в машине Александра, поручаю ему посмотреть все необходимое.

Машина ребят увезла, и я вернулся в кровать на два часа, что бы потом поступить в распоряжение Алексея Васильевича Валуева, моего руководителя в необычном деле.

В восемь часов в камералке узнал, что фортуна улыбнулась: потребность во мне у работника милиции только с обеда. Отлично! Побежал собирать бумаги, которые намечено сегодня посмотреть с Игорем Георгиевичем, он же начал освобождать у себя в кабинете столы от лишнего, потом пригласил на говорильню главного геофизика Владимира Андриянова и старшего геолога Николая Матвеева. Разобрались

за столом, и я, разложив геологическую карту, начал рассказывать особенности строения участка работ. Ввожу, так сказать, в курс дела. То, что нарисовано, все усваивают. Теперь самое сложное: по данным геофизики проинтерпретировать детали строения на глубину метров триста-пятьсот. То-есть, представить участок не только в плоскости поверхности, а и в объеме. Без чего перспективные места – мы их называем структурами – где должны продолжиться самые дорогостоящие буровые работы, выделить и максимально ограничить по площади невозможно.

И началось. На геологическую карту по очереди ложатся кальки вначале с данными гравиметрической съемки – а их штук пять, не менее, затем магнитной съемки, геохимии, радиометрии, и т.д., и т.п. И каждый высказывает собственную точку зрения, старается ее отстоять иногда с повышением голоса. Так проходим по кругу два раза.

К обеду одурели до предела. Но перспективную структуру, которую я как геолог давно выделил и сейчас представил для обсуждения, при общем согласии подтвердили, и наметили где вскрыть ее канавами экскаваторной проходки. Всего пять канав по двести-триста метров длиной.

С удовольствием бумаги собираю и уношу к себе в комнату. А потом успеваю поговорить с техником-геологом Наташей Луканиной, которая будет канавы документировать. Все, слава богу успел, и душа на месте.

Опер

Как всегда на новом месте, проснулся рано. Позавтракал в столовой, прогулялся до здания управления. На работу пока никто не спешил, а на крыльце здания стояла женщина со связкой ключей в руке. Со мной поздоровалась, показала где сейчас проводится планерка – совсем рядом, в гараже. Хотел прогуляться и до него, но начальник партии и инженер по технике безопасности уже шагали в нашу сторону.

В управлении прошли не к Павлу Петровичу, а в комнату рядом. «Кабинет техники безопасности» – извещала табличка. Т. Мальков открыл дверь и вручил мне ключ с просьбой не потерять. После чего объяснил, что кабинет предоставляется мне для работы, мешать здесь никто не будет. И добавил, что машина готовится, ее заправят и подгонят к крыльцу. Отлично! Оперативно и без напоминаний разрешены первые проблемы. Других просьб и пожеланий у меня не нашлось, и все разошлись. Я вернулся на крыльцо, надеюсь перехватить главного геолога и Юрия Валенова еще на улице.

До начала работы оставалось пять минут, и к зданию спешили молодые и молодежавые мужчины и женщины. Стройные, загоревшие, в стильной легкой одежде, а женщины и с приятным для глаз макияжем. Прямо театр, а не геологическая организация. Все со мной здоровались и проходили в

помещение, причем большинство поворачивало не в коридор, мне знакомый, а в противоположную сторону, в дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен», на которой красовался кодовый замок, и каждый входящий набирал на нем номер.

Ожидал я напрасно: Игорь Георгиевич появился из этой двери, позвал меня и провел внутрь. Дверь за нами сразу захлопнулась. Дальше шел коридор, как и перед кабинетом начальника партии, по обеим сторонам несколько комнат. Табличка «Главный геолог» оказалась в самом конце справа, напротив – железная дверь «Спецчасть». Внутри кабинета отсутствие излишеств и шика: два больших стола буквой Т, простые стулья. Рядом со столом хозяина с одной стороны металлический сейф, с другой книжный шкаф. На стене без окон ряды деревянных полок, заваленных папками, стопами ватмана. На столах тоже кучи планов и карт.

Не успел оглядеться, как зашел Юрий Валенов. Поздоровались, присели. После увиденного на крыльце не мог от молчаться:

«Откуда у вас женщигны такие? Прямо топ-модели!»

Геологи заулыбались, нисколько не удивившись. Наверное такие вопросы слышали не один раз.

«Некрасивых не держим», – улыбнулся хозяин кабинета, – «А если честно – у женщин возможность есть красоту наводить. Делать после работы нечего, вот и шастают по парикмахерским, в бассейн, или на аэробiku».

«А где все это?»

«Да в Мирном! Там спорткомплекс шикарный. Деньги за услуги конечно берут, так платит за все партия».

Юра Валенов считал по другому:

«Поле облагораживает, не дает лишним жирком обрастать. Главное – во- время туда отправить, на излечение трудом,» – повезло геологам с Мирным, без него в такую дыру желающих вряд ли найдешь. Договорился с Юрой Валеновым, что на шахту едем после обеда, а пока каждый занимается своими делами. Что и подтвердил, сразу же геологов покинув.

В Уазике возле крыльца сидел мужчина. Вручил мне техпаспорт, путевку, попросил подбросить до Мирного. Объяснил, как проехать к милиции, и от нее ушел по своим делам.

Милиция – одноэтажная пристройка к зданию администрации, с его тыльной стороны. На входе дежурного или вахтера не оказалось, свободно пошел по коридору, пытаюсь по пути открыть двери комнат с табличками «ГАИ, «Паспортный стол», и другие. Почему-то закрыто и никого не видно, но впереди голоса прослушивались. Пошел на них и очутился перед открытой дверью. За ней, в полумраке приличной по размерам комнаты, весь личный состав смотрел телевизор. Показывали любовную драму в очередном сериале, столь захватывающую, что единственный, кому не хватило стула – стоящий в дверях сержант с красной повязкой дежурного на рукаве – промокал платочком обильные слезы.

Попытался привлечь внимание и дотронулся до сержанта рукой – бесполезно, тихонько его потряс – опять ничего. Пришлось вместе с физическим воздействием довольно громко себя проявить:

«Послушайте!»

Любитель сериалов, не отрываясь от телевизора мою руку отвел в сторону и прошептал:

«Еще чуть-чуть, через пять минут кончится».

Пришлось концовку драмы досматривать. Потом все с шумом и комментариями по сюжету поднялись и начали расходиться по кабинетам. Хорошо живут! Мне бы их проблемы! Внимания на меня никто не обращал, я дождался, пока дверь с табличкой «Начальник милиции» не открыл хозяин кабинета, и чуть помедлив, прошел туда же.

Представился, показал документы. Майор Симонов Иван Семенович с обидой сообщил, что знает о моем приезде, еще в субботу получил распоряжение об оказании мне возможной помощи и предоставлении в полное распоряжение сотрудника. И от себя добавил (вот где обида зарыта!), что не понимает, почему к ним геологи не обратились сразу. Ну, это не мои проблемы.

В кабинет вызвали оперативника, теперь моего помощника, молодого капитана Новикова Михаила Ивановича, и втроем начали деловой разговор. Прежде всего, меня интересовали все автохозяйства в округе. Приличных нашлось четыре. Это в Мирном, в подобном ему шахтерском поселке

Пионерном с ста километрах по прямой, в уже знакомом мне по прошлой командировке поселке Придорожном, и в артели старателей, добывающей руду в глухой и безлюдной степи у черта на куличиках. В них же было и несколько экскаваторов различных марок. Еще в округе, по данным ГАИ, зарегистрировано с десятков бортовых развалюх и экскаватор, оборудованный под сенопогрузчик, в мелких поселках пастухов и рыбаков вблизи шоссе и озера.

Определившись с автохозяйствами, распределили обязанности. Местный оперативник начнет разбираться с транспортом в Мирном. Машины задействованы на перевозке руды из мест добычи до железной дороги в одну смену, каждая с одним шофером, с девяти утра до пяти вечера. Затем возвращаются в гараж на стоянку, время отмечается диспетчером в специальном журнале. Так что выявить подозрительно задержавшиеся или отсутствовавшие сложности не составит. Если, конечно, вся документация соответствует истине, в чем тоже следует убедиться. Хуже с хозяйственным транспортом, часть которого работает круглосуточно и в гараже не появляется. Но таких машин немного, вот на них главное внимание и должно обращать: что, где и как, четко по часам, особенно в ночное время.

Поселки Мирный и Пионерный – братья близнецы. Принадлежат одному ведомству, построены по схожим проектам для одного: добычи золотосодержащей руды. Организация работ также практически одинаковая, и разобравшись в од-

ном месте, будет легко разобраться и во втором. Так что Пионерный за моим помощником Новиковым Михаилом второй очередью.

Мне достается Придорожный, артель старателей и мелкие поселки в округе. И не только проверить автотранспорт, а и пораспрашивать местных жителей, работающих в степи и часто много чего интересного замечающих.

Встал вопрос, с какого числа начинать проверки. На этот счет маленькая зацепка была: день, когда умершего позднее сторожа привезли со смены в непонятном состоянии «отключки». Но он пока неизвестен, придется Михаилу Новикову начинать с конца, то-есть с прошедшей среды 13 июля, когда факт пропажи руды был установлен, и идти назад. Ну а до какого дня – я надеюсь завтра-послезавтра уточнить.

На этом с транспортом закончили и перешли к ЧП со сторожем. По словам т. Симонова, результат осмотра места происшествия в день смерти ничего не дал. Хищений нет, следов борьбы тоже, как нет и следов присутствия посторонних. Пустая бутылка из под водки, стакан и посуда находятся в милиции, но отпечатков пальцев на них не обнаружено. Что меня только насторожило – не были ли они стерты. На этом дела в милиции посчитал законченными. Еще раз уточнив с Михаилом Новиковым детали его работы, здание милиции покинул, пешечком, расспрашивая прохожих, дошагал до поликлиники. Минут через десять в кабинете главного врача, вместе с его хозяином и патологоанатомом, сидели за

одним столом.

Разговор пошел о том же ЧП на шахте. Медицинские работники повторили все, что я слышал в партии в день приезда, но кое-что удалось уточнить. Во-первых, смерть сторожа наступила не позднее девяти часов вечера 14 июля, то-есть, через четыре часа после заступления на дежурство. С учетом пересменки и первого обязательного обхода объектов, занимающего примерно час времени, у гр. Овечкина оставалось три часа напиться и умереть. Во-вторых, признаков отравления не обнаружено, но по моей просьбе обещено материал для более тщательного изучения приготовить и отправить в областной центр в криминалистическую лабораторию. В-третьих, на лице и в полости рта явных следов принуждения не замечено, хотя некоторые покраснения нельзя трактовать однозначно.

Ну что-же, что есть, то есть. На этом больницу покинул, успев слегка подивиться прямо не больничной чистоте, отличному оборудованию и относительной малолюдности. Пешком дошел до Уазика, разглядывая все вокруг и удивляясь общей привлекательности. И никого не потревожив, отъехал в направлении на столовую в поселке геологов – время подходило к обеду.

Как и намечал, после обеда едем с геологом на шахту. Не торопясь, внимательно рассматривая дорогу и окрестности. Вначале был ведомственный асфальт, через семь километров свернули налево на проселок, прилично в свое время

разъезженный – сближенные колеи причудливо переплетались среди мелкосопочника, говоря что каждый водитель в свое время выбирал наименее разбитую. Но интенсивного движения давно нет, все успело подернуться травкой.

Наконец шахтные постройки: длинное одноэтажное здание с копром, рядом еще такое же, небольшой домик; в стороне кучи породы, выложенные правильными рядами за оградой из колючки. Геолог объяснил, что в здании с копром установлена лебедка для подъема из шахты клетки с людьми или вагонеток с породой, в другом длинном здании раздевалка, душевая, комнаты геологов, начальника шахты, комната отдыха, и т.д.

Подъезжать к постройкам не стали – геолог предложил объехать их по бездорожью, вначале резко повернув налево и постепенно забирая все правее. Довольно долго следы машин, имею ввиду тяжелые бортовые, не встречались. И появилось что-то на них похожее, когда мы оказались с противоположной от шахтных построек стороны. Это «что-то подозрительное» проглядывало в старом проезде от шахты к железной дороге, до которой, как выяснилось, всего три километра. Только вот определенно сказать, что здесь проехали машины похитителей, геолог не решался – в колее сплошная щебенка, на которой я вообще ничего не замечал.

По подозрительным следам от шахты выбравшись из мелкосопочника в долину, на проселок вдоль железной дороги. Это она постоянно попадала на глаза, когда меня везли из

города в партию. Здесь остановились, договорились перейти на ты и больше не выкать.

Теперь Юра объяснил, что вдоль железки возят оборудование и инструмент ремонтные бригады этого ведомства, и для других целей проселок почти не используется. Он надеялся, что здесь, в песочке долины, следы тяжелых машин проявятся получше, поярче чем в сопках. Но не повезло: к ведомственному асфальту тяжелые машины точно не проезжали, а в противоположную, на областной центр, проселок прижимался к сопкам, с щебенкой и камнями под колесами.

В глазах моего помощника появился азарт и желание не только объяснять, а и предлагать какие-то варианты. Я внимательно слушал, понимая что местность и дороги он знает отлично. Пусть пока командует.

Проехали вдоль железки с километр до железнодорожного моста над небольшим сухом руслом. Следы подозрительные видели, но непонятно от чего. Они же уходили под железнодорожный мост. Здесь остановились, вылезли из машины и прошли под мост пешком. Оценили ширину между бетонными кладками в опорах, высоту пролета. Возможно, машины проходят не все, большегрузные Кразы и Камазы могут не вписаться. На всякий случай замерили габариты проезжей части геологическим молотком, с отметками через десять сантиметров на рукоятке.

С другой стороны железнодорожной насыпи тянулся второй проселок. Дошли до него, посмотрели, и ничего подо-

зрительного не заметили. А вот дальше по сухому руслу что-то подозрительное проглядывало в направлении к шоссе, которое, как я вспоминал, должно быть в одном-двух километрах. Было желание к нему проехать, но сегодня на это времени не оставалось: нужно заехать на шахту, а потом попасть в отделение милиции Мирного в рабочее время. Так что все за мостом оставили на завтра.

Теперь можно познакомиться с шахтой. Для начала завершили вокруг нее круг, подъехав к уже знакомому месту. Сторожа видели давно – стоял возле маленького домика с дробовиком в руках и посматривал в нашу сторону. Помнил про ЧП с коллегой, на всякий случай приготовился к обороне.

Подъехали. Что бы человека не пугать, я представился, показал красные корочки. Но больше успокоил его Юра – узнал и сразу заулыбался. Умершего коллегу он, к моему сожалению, не сменял и о ЧП с ним ничего прояснить не мог. Рассказал, что место здесь тихое, машины проезжают редко. Кроме своих, партийских, это обычно железнодорожники. Пришлых людей он не видел. По пути к шахте иногда подбрасывают кое-кого, да только они не доезжают до конца, выходят из машины раньше. На мой вопрос кто же это, сторож поежился и не очень естественно пожав плечами ответил, что не помнит, да и не знает. Собрался задать навводящие вопросы, что бы память освежить, но здесь Юра, до сих пор молча слушавший, сторожу улыбнулся:

«Ладно, колись! Знаешь ты все. А мы не инспекция, дело

у нас другое!»

«Дык, закладывать не хотел парня», – откашлял тот, – «Колька Тимохин это, с ружьем был, браконьерствовал»,

Поговорили про Кольку. Сторож вспомнил, что вылез тот на пол пути к шахте. И больше на глаза не попал, наверное вернулся в партию пешком. Осталось посетить площадку с рудой, прошли туда. Я осмотрел запоры и замок на воротах, поинтересовался, не был ли он когда-нибудь сорван или сломан. Оказалось что не был, такой здесь все время. Значит, при хищении руды ключ к замку у сторожа брали, а потом аккуратно вернули на место. И конечно, отпечатки пальцев стерли либо сами, либо те, кто обнаружил пропажу руды, когда за ней приезжали из партии.

Сторож открыл замок, прошли внутрь забора из колючки к длинным рядам из куч камней. Это и были рудные отпалки, каждая в отдельности. Между рядами машина проезжает свободно. В одном из них, ближе к дальнему концу, пустой проем – на месте похищенных отпалок. Видно, что грузили руду маленьким ковшем, следы от него остались, вернее их остатки, индефицировать которые невозможно.

Экскаватор на резиновом ходу, на базе трактора Белорусского производства. Кое-какие следы машин тоже остались, но ничего не поймешь. В день, когда пропажа обнаружилась, бортовая из партии проехала несколько раз между рядами, и естественно, все затерли.

Больше на площадке смотреть нечего, на шахте тоже, да и

время поджигает. Юра предложил возвращаться по другой дороге – вдоль железки. Так, не теряя времени покатали, и ничего интересного, кроме трех домиков на очередном разъезде, не встретили до уже родного ведомственного асфальта, на который выехали у переезда того с железной дорогой. Впереди знакомая перегрузочная площадка с рудой, и поворачиваем в сторону Мирного. Теперь смотреть не на что, и можно поделиться впечатлениями от увиденного и услышанного.. Прежде всего, я вспомнил Колю-браконьера, о котором так не хотел говорить сторож. Юра разъяснил, что на шахте изредка посторонние ночуют. Приезжают поохотиться, вместе со сменой, ночь поспали, со сторожем бутылочку или чайку выпили, а утром – по своим делам, и до пяти вечера. А там со следующей сменой уже домой.

Беру на заметку: шоферов и сторожей пораспрашивать – не подвозили ли к шахте кого-то лишнего. Объявится такой человек из местных – Юра и скажет, на охоту тот ездил или еще для чего, потому как всех охотников знает отлично. А если предположить, что гражданину Овечкину уйти на тот свет все же помогли, то этот помощник был ему хорошо знаком, то-есть из местных.

Перешли к дорогам. Наше мнение в одном совпадало полностью: наиболее вероятно, что руду от шахты вывезли к железной дороге. А дальше возможны несколько направлений. Первое – вдоль железки в сторону перегрузочной площадки, как мы только что ехали, но следов тяжелых машин не заме-

тили. Второе – вдоль железки в противоположную сторону, на город. Тогда до областного центра проселок и ни одного населенного пункта, кроме редких разъездов. Если, конечно, где-либо не найдется нормального проезда под железкой, с выездом на шоссе. Возможность этого варианта нужно помнить, и при случае проверить. Третье направление – под железнодорожный мост и дальше один-два километра до областного шоссе. Только при условии, что машины похитителей под мост проходят. Ну а выскочив на шоссе, можно двигаться в любую сторону. Этот вариант представлялся наиболее вероятным, максимально безопасным для похитителей: до шоссе машины ночью видеть некому, а на нем кто же обратит внимание. Для того и построено, что-то возить.

Разбираться с направлением под железнодорожный мост продолжим завтра, но что бы не глотать пыль, решили сделать крюк: доехать по ведомственному асфальту до областного шоссе, и уже по нему добраться к месту, где выходит проселок от железнодорожного моста. И по этому проселку пройти пешком.

В Мирном заскочил в милицию и попытался дозвониться до шефа в городе. К удивлению, удалось быстро, и минут семь я докладывал обстановку на месте и планы на ближайшие дни. Меня не хвалили и не ругали, в кое-какой помощи не отказали: Алексей Александрович, мой коллега и старший по «угонному» отделу, посетит автозаправки и КПП на въезде в город с нашего направления и попытается разузнать

о любых машинах с каменным материалом в последние две-три недели. Помочь же с проверкой организаций, занимающихся дроблением пород, шеф отказал, резонно заметив, что это еще рано, и что нужен человек, способный визуально определить то, что мы ищем. Естественно, Игорь Константинович предложил не забывать о возможном «информаторе» в партии, а по поводу смерти гр. Овечкина мои предположения посчитал возможными. На этом разговор закончился.

На сегодня оставалось решить последний вопрос, и подъезжаем к дому Павла Петровича. Юра уходит, а я договариваюсь с геологическим начальником, что завтра к концу работы он обеспечит явку в кабинет «Техники безопасности» всех шоферов, отвозивших на шахту смены в последний месяц, а также всех сторожей, кроме находящегося на работе.

Геолог

Показать Алексею Валуеву дороги к шахте, выделить ту, по которой с точки зрения преступников вывезти руду максимально удобно, быстро, скрытно, безопасно – казалось мне легче легкого. Прекрасно представлял, что делает с проселочной, то-есть без искусственного покрытия даже одна полностью груженная машина типа Краза или Камаза. А их, по нашим прикидкам веса похищенной руды, было не меньше трех. И я не сомневался, что следы такой колонны мы не пропустим даже в сопках, среди камней и щебенки. Про долину

у железной дороги, где песочек, я и говорить не хочу.

Надеялся зря. Катались целый день, но четких, надежных следов от тяжелых машин так и не увидели. Что-то подозрительное замечалось в проезде от шахты к железной дороге и дальше вдоль нее до небольшого моста, но там, где под колесами не песочек, а галька, щебенка и камни, на которых различить нужное не просто.

Уже дома после ужина попробовал заняться огородом – не получилось. Вспоминалось дело, не так давно провернутое ребятами из партии. Когда в после военные годы строили железку, для обслуживающего персонала через десять-пятнадцать километров сложили по два-три домика из кирпича. Но не на цементном растворе, а на глинистом, учитывая его дешевизну и сухость местного климата. Дома прослужили пол века, а после автоматизации движения надобность в них отпала, люди разъехались, строения пришли в запустение. И один из моих знакомых, буровой мастер, парень жох и проныра понял, что домики легко разобрать, поставить как дачи уже около города. Начал действовать, создав кооператив из трех человек.

Недалеко от железнодорожного моста купили два домика за символическую цену, и принялись за разборку. А вот как они материалы вывозили в город – я очень хотел узнать. Потому пошел к организатору кооператива и все у него выпытал.

Набрали они материала на машину, наняли камаз-само-

свал за пол цены, так называемым попутным рейсом, когда машина должна пустой идти в город. Тут то и выяснились неприятные детали. Домики оказались у железной дороги не на той стороне, прямо к шоссе не проедешь. Ребята торнулись под мост – предохранительный козырек над кабиной самосвала в габариты не вписывается. Попробовали ехать вдоль железки в направлении города, надеясь встретить мост побольше, с нормальным под ним проездом. И это не получилось: через пять километров встретили неодолимый для тяжелых машин пухляк. Пришлось возвращаться назад и делать крюк: вдоль железки до ведомственного асфальта, по нему до шоссе, ну а дальше уже в город. И из всего этого я понял: есть чем завтра Алексея заинтересовать.

Часть четвертая

19 июля, вторник.

Опер

Утром побежал в гараж на планерку. Нужен завгар – уточнить, какие машины не проходят в измеренные мною и Юрой габариты под железнодорожным мостом. Через минуту узнал, что под «тем мостом из больших грузовых проходит только камаз бортовой, либо он же самосвал, но без защитного козырька над кабиной», который служит для предохранения ее от камней при загрузке экскаватором. С проблемой моста в партии столкнулись два года назад, когда шахту только начинали. Вначале к ней добирались так: по ведомственному асфальту до железной дороги, дальше вдоль нее по проселку. Позже, что бы не трястись в пыли вдоль железки, попробовали от шахты ездить под мост и на шоссе. Получался крюк, но почти везде был асфальт, и время поездок уменьшалось.

Так довольно долго возили смены и материалы, но появились другие сложности. Отрезок от моста до шоссе отличался слабым грунтом, глубокие колеи выбивались моментально. А весной в паводок проезда не было вообще. Пришлось пробивать дорогу свою, в сопках. По ней мы вчера с Юрой

на шахту и ехали.

Поблагодарил завгара за важные сведения, на машине съездил к заправке, и от нее подъехал к управлению, или как Юра называл – камералке. Он ждал у крыльца, с рюкзаком и приличной по размеру канистрой в матерчатой обшивке. Поехали.

Пока добирались до места, Юра рассказал, как его приятели на полустанке разбирали домики, как материалы везли в город. И очень обоим понравилось, что вдоль железки на город проскочить они не смогли. Значит, и наши клиенты так не проезжали, и остается у них направление под железнодорожный мост, что мы сегодня и проверим.

Съезд к нему с шоссе увидели издали. Возле него на обочине остановились, вылезли из машины, осмотрелись. Даже я понял, что съездом недавно пользовались, причем машина или машины были хорошо нагружены. Юра поковырялся в песке, выкопал в нем ямку до твердой основы и определил, что проезжали машины минимум неделю назад – отпечатки протектора уже сглажены «ветром и временем». Особо внимательно он осмотрел колеи на откосе насыпи шоссе. Подозвал, показал на что-то пока мне непонятное:

«Видишь, как перегиб сглажен? Так бывает, когда тяжелая машина поднимается на асфальт, может быть и с пробуксовкой».

«Юра, как ты такие мелочи замечаешь? Я не вижу ничего!»

Он еще что-то пощупал рукой, потом ответил:

«Я же геолог. Если детали не различать – грош мне цена».

Помолчал и добавил: «Я всю сознательную жизнь только и делаю, что в мелочах ковыряюсь. Не видел ты камни, которые мы обязаны не путать – для тебя все будут одинаковыми, да и для многих геологов тоже. Ну а я и старшим стал, потому что получше других мелочи подмечаю», – прибедняется геолог, кроме как в камнях разбираться, нужно и знать больше других.

Дальше к железной дороге у нас намечено идти пешком, но оставлять машину без присмотра не хотелось. Мало ли что. Поэтому с шоссе съехали, по целине – что бы ничего не затереть – проехали вдоль проселка метров двести до густых кустов. В них машина не просматривалась, отсюда и пошли.

Тянулась все та же колея. Теперь и я не сомневался, что машины действительно проезжали, и тяжелые машины. Почти до самого моста ничего не менялось и никаких отворотов в сторону не встретили. Метрах в ста от него она нырнула в знакомое русло, с камнями и щебенкой – в нем следы замечались с трудом и лишь на отдельных отрезках, где побольше песочка.

Наконец мост. Прошлись по проселку с нашей стороны железки – по нему тяжелые машины не проезжали точно – разбит слабо. Под мостом перебрались на другую сторону железки, еще раз осмотрели направление от него к шахте – как и вчера, четких следов не нашли, что теперь легко объ-

яснялось: не долина с песочком, а мелкосопочник со щебенкой и развалами камней.

Теперь можно назад, к Уазику и без остановок. Жара дожимала – в долине среди кустов ни малейшего движения воздуха. Попить, освежить горло хотелось как никогда. А на геолога ничего не действовало. Шел, поглядывал на меня, улыбался. Наконец машина, Юра обошел ее, открыл все двери на максимум. Когда духота вышла, заняли передние сидения. Чуть полегчало, теперь от солнца защищала крыша Уазика. Юра достал канистру, потряс ею в воздухе – послышался приятный плеск. Передал ее мне, занялся рюкзаком и выудил из него кружку:

«Пей, но не больше одной, и маленькими глотками».

Я не заставил ждать, и прохладная жидкость тут же попадала наверное в каждую клеточку тела, вызывая ощущение невероятно блаженства. Кружка опустела за секунду, а в следующую лицо, грудь, спина, живот покрылись крупными каплями пота. Я стал абсолютно мокрым! И в то же время ощущение подавленности и изнеможения от жары исчезли.

Юра молча смотрел на меня, качал головой и улыбался, доставая из рюкзака пакеты с хлебом, огурцами и помидорами, поджаренным мясом. На канистру внимания не обращал. Глядя на разложенные деликатесы, появилось желание и покушать., да такое, что я без уговора потянулся к вкуснятине.

Пока пополняли дефицит калорий, геолог рассказал, как

еще студентом работал на практике в этой долине, исходил ее вдоль и поперек. Ничего тогда не нашли, но поохотились отлично. Здесь, по его словам, была заячья ферма, столько их водилось раньше, да и сейчас не меньше. Рассказал про озеро, куда местные ездят на рыбалку и отдых, объяснил где находится – всего-то километров пятнадцать, прямо за шоссе.

После обеда вернулись к делу. Пока наблюдения за два дня в памяти, нужно решить к чему мы пришли и что делать дальше.

Прежде всего, к чему пришли: вывезли руду от шахты к железке, проехали под мостом на ее другую сторону, и по проселку в долине выехали на областное шоссе. Это однозначно, и дальнейшие поиски следует вести исходя из этой версии как подтвержденной.

По шоссе можно ехать либо в сторону областного центра, либо на поселок Придорожный. И это определяет, что делать дальше. На въезде в город мой начальник и коллега по «угонам» Алексей Александрович Ковалев уже работает на КПП, автозаправках, как обещал шеф. Но до города далековато, сейчас от нас больше трехсот километров. И как я помнил, пара населенных пунктов и одна заправка на этом отрезке есть. Их нужно посетить, транспорт проверить, местных жителей пораспрашивать. И дай бог за день управиться, выехав завтра пораньше. Юра здесь мне не нужен, я и так два дня у него отобрал – он остается заниматься своими делами. Кол-

лега-геолог абсолютно не против, соглашается.

С направлением на Придорожный сложнее, без геолога не обойтись. И он объяснил почему: недалеко от поселка стоят дорожники, тянут очередную ведомственную дорогу к поселку Пионерному, который моложе брата-близнеца Мирного на десять лет и обустроен еще не полностью. У дорожников есть дробильные установки – превращают камень в щебенку, без которой асфальтовое покрытие невозможно. В дробильных установках я, понятное дело, ничего не понимаю и без консультации не обойдусь. Ну а заодно поможет мне проверить местное автохозяйство (тех же дорожников), которое, как уже определено, лежит на мне. Конечно, и местных жителей постараемся расспросить, вдруг что-то для нас полезное видели.

И еще важный вывод: при проверке техники сразу можно исключить машины и экскаваторы, под железнодорожным мостом не проходящие. А таких машин много, по крайней мере мне в глаза в Мирном только и бросались Кразы и Камазы с защитными козырьками над кабинами.

Поездку в Придорожный я запланировал на четверг, то есть на послезавтра. Юра пообещал к этому времени дела свои подогнуть и быть готовым к очередной совместной работе. Я ему намекнул насчет артели старателей – не могли ли похитители быть оттуда. Геолог в сомнении покачал головой: зачем? Им своей руды хватает, да и стоят в такой тмутаракани, что...но четкого ответа не дал.

Потом он затронул тему, которая у меня тоже появилась, но до конца продумана не была. И вдвоем по ней мы сформулировали несколько вопросов и ответов. Прежде всего, сколько же было машин, когда руду вывозили? По подсчетам геологов три полных Камаза. Но могли быть машины других марок, как вариант. И второе: а почему следов экскаватора нигде не заметили? По идее, как самый тихоходный, он должен ехать от шахты к шоссе последним, а следов его мы не нашли.

Напрашивалась версия, что экскаватор привезли на бортовой машине, и на ней же увезли. Тогда машин должно быть четыре. Многовато, сложно столько задействовать подпольно, так скажем. И вряд ли кто на лишний риск пойдет. Более вероятно, что машин было две, и сделали два рейса. Тогда все сходится, но возникает другая проблема: два рейса даже до ближайших поселков за ночь не сделаешь. Остается предположить, что часть руды вывезли просто в сопки, где на нее наткнуться можно лишь случайно. Ну а дальше, до конечного пункта, могли перевезти и попозже, когда все утихомирилось.

В общем, с машинами особой ясности не получалось, как и с экскаватором. Но и машины, вернее всего две, но возможно и четыре, и экскаватор на резиновом ходу искать нужно в одном месте, в связке.

Пока обсуждали дела, время пошло на третий час. А в четыре меня ждут в партии люди для беседы. Надо ехать.

Трогаемся, выезжаем из кустов на шоссе и по хорошо знакомой дороге катим в партию. О работе все обговорено, и Юра поинтересовался моими планами на субботу и воскресенье. Я подумал, что в эти дни он не хочет быть ко мне привязанным, но ошибся. Как выяснилось, заядлый рыбак заранее начал готовить меня к рыбалке, о чем все же проболтался.

Тратить в командировке два дня на развлечения – преступление, о чем я не промолчал. Но Юра не согласился: поедем в пятницу после работы, вернемся в субботу в двенадцать дня. И дело найдется: на берегу есть бывший поселок рыбаков, теперь там кроме как для себя рыбу не ловят, но скот по округе пасут. И пастухов неплохо пораспрашивать.

Заманчиво, только мне сейчас лучше не рыбу, а женщину поймать, на ночь. Можно и не очень красивую, но без предрассудков. Вредно для мужика в моем возрасте почти трех недельное отсутствие женских ласк. Юру мои откровения рассмешили, но подумав, он предложил:

«А что, и с женщиной тебя познакомлю. И симпатичная, и поговорит, и все остальное. Наши мужики на нее посматривают, но у всех жены, в партии все на виду, ничего не скроешь. А дама свободная, разведенная, и с ней никто мужа не оставит без присмотра.» На меня посмотрел и добавил: «А ты в командировке, человек свободный, и она это поймет. Мужик ей нужен, в соку женщина».

Предложение заманчивое, пообещал на досуге подумать

– и тут же попросили думать побыстрее, в четверг к вечеру определиться.

В партию приехали в пол четвертого. Пока ставил машину в гараж, пока с завгаром поговорил – все ли в порядке с машиной – без пятнадцати четыре. Пора в кабинет «Техники безопасности».

На крыльце камералки четыре мужика курили и посматривали в мою сторону. Пошли следом по коридору, в отдалении. Пока открывал дверь в кабинет, подошли и поздоровались, доложили, что направлены ко мне. Предложил заходить по одному, вначале шоферам, потом сторожам. И тех и других было по паре, на каждого потратил минут по пятнадцать-двадцать.

Первый молодой парень оказался шофером, который вез с шахты сторожа в состоянии подозрительной «отключки». Расспросил его основательно и с учетом графика работы определился этот самый день – воскресенье третьего июля, ровно за десять суток до выявления факта пропажи руды, и за двенадцать суток до смерти этого же сторожа. В то воскресенье от него спиртным не пахло, в комнате никаких стаканов и бутылок, а бедолага спал на топчане. Вдвоем со сменщиком его долго будили, но до конца так и не проснулся; полусонного довели до машины и в таком состоянии шофер его довез, а потом и провел домой, вернее до кровати, где тот сразу отключился.

Напрашивалась мысль: сторож или сам что-то выпил, или

же кто-то угостил. Тогда вопрос: кто это мог сделать. Но посторонних ни в тот день, ни перед ним никто из шоферов и сторожей не заметил. Начал по очереди расспрашивать о более ранних сроках: появлялись ли на шахте люди до злополучного воскресенья. Оказалось, что появлялись. Это уже знакомый мне браконьер Колька – на этот раз на шахте переночевал, ушел и не вернулся.

И еще один человек приходил, со стороны железной дороги. Поболтал, попросил напиток, потом (об этом я спросил специально) подходил к площадке с рудой, посмотрел, спросил у сторожа что это такое. Но за ограду не заходил. И ушел в сторону железной дороги. Сторож посчитал его железнодорожником: измучился человек от жажды и приходил попить.

Словесный портрет «железнодорожника» составил без труда: молодой парень, среднего роста, стройный, с правильными чертами слегка вытянутого лица, черные прямые волосы, карие большие глаза, маленькие черные усики. Похож на кавказца, но не армянин – по словам сторожа, нос не тот.

Больше ничего полезного из мужиков я выудить не мог. Вопрос почему пропажу руды с площадки не заметили сразу, и еще несколько дней не замечали, задавал всем. Сторожа с виноватым видом пожимали плечами. По их словам, даже мыслей в голове не было, что там можно было что-то красть, а потому никто кучи не считал, да и внимания на них не обращал. Замок висит на воротах, и ладно, кому камни нужны.

Присматривали за зданиями и железками, считали это главным.

В запасе один сторож оставался, тот, что сейчас дежурит на шахте. Узнал где он живет и решил подойти к нему домой попозже, когда кончится смена..

Затем позвонил в Мирный Новикову Михаилу, и выслушал отчет о проделанной работе. Все мой помощник делает правильно, и я облегчаю ему задачу, ограничивая время проверок пятницей той недели, последний день которой – воскресенье третьего июля – закончился для сторожа на шахте непонятной «отключкой». Естественно, предлагаю исключить из проверок все Кразы и Камазы самосвалы с защитными козырьками над кабинами. То-есть не проходящие под железнодорожным мостом. Попросил особое внимание обращать на первые три дня – с пятницы по воскресенье включительно. Михаил обещал все учесть и посчитал, что работы у него еще на два дня, и один из них он потратит на посещение поселка, куда согласно путевки по личным делам и оплатив машину за свой счет ездил один из шоферов на сутки. Пожелал Михаилу успеха.

Чуть позже побеседовал с последним сторожем, которого на моих глазах привезли со смены. Но ничего нового не узнал.

Геолог

К пяти утра пришлось бежать в камералку – узнать у ребят о делах на участке. Все в порядке:– буровые работают, перетаскивать на другую точку кого-либо рано, намеченные для экскаватора канавы вынесены на местности, сегодня начнется их проходка. Остальное тоже в норме, работа идет, и я спокойно могу день отсутствовать.

Ребята уехали в поле, а я вернулся домой и пока есть время, прошел поковыряться в огород. Увлёкся, и слава богу, жена во-время привела в чувство:

«Ты на работу собираешься?»

Иду завтракать, потом собираю тормозок на двух человек, наливаю воду в канистрочку.

В камералку зайти не успел – машина уже подъезжала. Без лишних слов погрузился, поехали. Эпопея с разборкой ребятами домиков у железки Алексею понравилась – то, что вывезти материалы в город вдоль железки они не смогли. Понял, что у преступников остается единственный путь: под мост и на шоссе.

Потом поболтали о жизни. Я рассказал о местных достопримечательностях, Алексей о недавней командировке, в которой недалеко отсюда искал угнанные машины. И незаметно добрались до нужного места.

А дальше все пошло как по маслу. Не ожидал, что так лег-

ко и быстро закончим дела – проезд от шоссе до моста был как учебное пособие, в котором все детали сознательно подчеркиваются, выделяются. И все же для страховки побегав где только можно, убедились однозначно: руду от шахты везли под мост и на шоссе. Уже и Алексей в следах немного разобрался, и тоже в этом уверился.

К полудню все намеченное посмотрели, и после обеда Алексей наметил план действий дальше. Завтра я свободен, а послезавтра едем в поселок Придорожный. Там я должен осмотреть дробильные установки у дорожников, убедиться, что золотосодержащую породу – а она никак не могла в них попасть – не дробили.

Пока добирались домой, я попытался прозондировать отношение Алексея к рыбалке вообще, и к возможной поездке на нее с пятницы на субботу. Он деликатно отказывался, мотивируя тем, что не имеет права на такие вольности. Пришлось к рыбалке и что-то вроде работы придумать. Но Алексей и здесь увернулся, с усмешкой сказав, что его сейчас больше женщины интересуют. Поначалу я решил, что это просто отговорка, и только потом дошло, что про женщину сказано не ради красного словца. Вспомнил его рассказ о недавней командировке, и как в городе не дали дня отдохнуть, направили сюда, к нам. Так что про женщин – крик души изголодавшегося мужика. Надо бы помочь.. И кандидата есть – Наташа Луканина. Молодая, симпатичная, с мужем у нее не заладилось, и разошлись без лишнего шума.

Рекламирую Алексею Наташу с лучших сторон и предлагаю с ней познакомиться, на отдыхе на озере. А как это сделать – дело мое. Человека заинтересовал – обещал подумать.

В партии появились в половине четвертого, и я побежал в камералку, надеясь застать там ребят. Но все уже разошлись, и оставалось зайти к Игорю Георгиевичу. После обычных приветствий – мы сегодня не виделись – главный геолог подошел ко мне, крепко пожал руку:

«Поздравляю!» – увидев мое недоумение добавил, – «Еще не знаешь?» – и поняв, что я действительно ничего не знаю, взял со стеллажа приличный кусок породы, протянул мне, – «Павел привез с участка. В первой экскаваторной канаве взял, ее уже заканчивают»,

Порода была впечатляющей: бурого и красного цветов от гидроокислов железа, с пустотами выщелачивания, ноздреватым кварцем. Типичная, как мы говорим. «железная шляпа». Обычно она образуется в местах выхода руды на поверхность, где под воздействием воды, ветра, кислорода первичные минеральные образования разрушаются и образуются новые, бурого цвета и рыхлой структуры.

Я крутил образец в руках, внимательно рассматривая и мысленно сравнивая с тем, что появилось у меня в последние годы. И получалось, что таких красивых камней – в смысле очень похожих на золотосодержащую породу – не видел давно. Честно говоря, с тех пор, как изучали последний из найденных партией серьезных объектов. Ну того, где сейчас ру-

ду сперли. И это в первой канаве, вскрывшей изучаемую нами перспективную структуру! Можно и порадоваться, хотя есть ли золото – пока не очевидно, и определится по результатам анализа проб, которые еще даже не отобраны. Но начало есть, и дай бог не спугнуть удачу.

Тут же сбегал за картой участка, где пройдена канава, и вдвоем подумали, что можно и нужно дополнительно сделать – этим я завтра и займусь в первую очередь. А Игоря Георгиевича образец так вдохновил, что и ему захотелось попасть на участок. Отлично! Поедем вдвоем – одна голова хорошо, а две лучше, если вторая – главного геолога.

Часть пятая

20 июля, среда.

Геолог

До участка с Игорем Георгиевичем добираемся на его Уазике, персональном. Правда, не на сто процентов – если главный геолог в камералке, машина рядом не стоит, как это делает личный шофер начальника партии, Павла Петровича. Транспорт всегда в дефиците, и геологический Уазик ежедневно задействуется на полную катушку. Но приоритет у Игоря Георгиевича, этого не отнимешь.

Сегодня с пяти утра мы в пути – впереди двадцать пять километров, сорок минут езды, а головы уже полны мыслей на тему: что вскрыто в канаве, действительно ли «железная шляпа», и если да, то каковы ее хотя бы приблизительная мощность и протяженность. Надеемся, что это не мелкое гнездо, в котором вся красивая порода в один кусок и вмещается, а что-то помасштабнее. Мелкое гнездо даже с золотом будет всего лишь «проявление», их находим каждый год.

Если окажется что-то покрупнее, с мощностью один-два метра и протяженностью до десятка метров – можно ожидать «рудопроявления». То-есть такого объекта, где содержание золота промышленное, но общего его количества мало-

то для организации добычи, невыгодно экономически. Для объекта под разработку, то-есть для месторождения, «железная шляпа» должна мощность иметь до десятка метров, а протяженность сотни. О таком мы мечтаем, надеемся найти.

Что бы от ненужных наваждений отвлекься, затеваем разговор о порядке совместной работы. Начнем ее с посещения буровых и просмотра керна – это по пути, не доезжая до канавы с «железной шляпой». Потом займемся ею, ну а после будет видно, что делать. Узик с нами, решили двинуться – сели в машину и без проблем поехали.

С порядком работы определились, а до участка еще далеко. Помолчали, потом Игорь Георгиевич с ехидной улыбочкой ко мне с переднего сиденья обернулся

«Забыл сказать. Едет к нам твой дублер».

«Дублерами» мы называем геологов из многочисленных научных организаций, с завидным постоянством посещающих поисковые и разведочные партии для сбора материалов. Обычно «сбор» выражается в копировании самых интересных, только что выявленных деталей геологического строения, и их анализе без нашего участия. В итоге по нашим материалам и раньше нас составляются отчеты, каждой группой с дублером на определенную тему, часто абсолютно неактуальную. Но считается, что их выводы помогают находить месторождения. Наверное так и есть, процентов на пять, не больше. Но об этом молчим, никого придирами не обижаем, хотя втихаря кое над чем и посмеиваемся. «Дуб-

леров» каждое лето предостаточно, и я поинтересовался:

«А какой из них едет-то? Что на этот раз готовить?»

Честно говоря, копировать новые карты я мог и не разрешить, не дать в чужие руки, и все. Напишу отчет – тогда можете меня дополнять, поправлять. Это по правилам, а если без них – жалко «дублеров», людей среди них хороших много, да и от пяти процентов продукции польза есть. И сейчас было интересно, попадет ли очередной в эти вот пять процентов. Игорь Георгиевич с ответом не задержался:»

«А тот, что в юбке! Помнишь, как ласточкой с тобой по горкам летала?»

Как же, еще как помню! Очередной «дублер» будет женщиной, да еще и кандидатом наук. И лет ей побольше сорока, а бегаёт по горкам не хуже меня, молодого и здорового. Вот и сказал после совместного маршрута: не шла, а как ласточка летала.

Занималась в прошлый раз этот кандидат наук стратиграфией моего участка. Я показывал в поле породы, возраст которых хотел знать, а товарищ «дублер» отбирала по специальной методике пробы, с надеждой найти в них остатки древней флоры и фауны. На моем участке вся надежда на зубы древних акул. Не подумайте, что это гигантские жуткие челюсти. Основная масса древних акул размеры имела сантиметры, ну может до первых десятков сантиметров. И зубы у них были соответствующие, рассмотреть их обломки нормально можно только под бинокляром, при увеличении. Зу-

бы совершенствовались (усложнялись) по времени от древних к более молодым, и по остаткам определенного размера и формы возраст пород определялся надежно.

В нужных местах кандидат наук отобрала пробы и увезла в город специалисту, разбирающемуся в акульных зубах как в своих пальцах. Через месяц появилась с предварительными результатами. Очень они обрадовали, все так, как я и предполагал. На радостях и в благодарность позволил копировать все. Хорошо, что переписал чьи зубы и в каких пробах оказались – названия страшные и по произношению, и по написанию на латыни.

А еще через месяц, в окончательных результатах, одной самой нужной пробы не оказалось. Ну нет, и все, потеряна с концами. Я долго не понимал, зачем понадобилось пробу терять, пока Игорь Георгиевич не просветил: доктор наук, руководитель группы, которую и представлял этот самый «дублер», имел представление о геологии на подотчетной мне территории иное. Злополучная проба оказалась не к месту – правоту подтверждала мою. И оказалась благополучно потерянной. Нельзя же подводить руководителя!

Теперь дама в очередной раз намеревается посетить партию. Я на нее давно нарисовал огромный зуб, поэтому и соответственно ответил:

«Пусть едет, не вредно. Только от меня ничего не получит».

Игорь Георгиевич человек лояльный, мягкий. И ответ его

был таким же:

«Ну ты не очень ее обижай. Ну слабая женщина, что с нее возьмешь. Да и много хорошего сделала, это отрицать не будешь»,

Конечно не буду, действительно очень помогла, если учесть, что результаты по потерянной пробе у меня в пикетажку переписаны. Но на содействие, как это было раньше, пусть не рассчитывает.

От партии и до участка дорога отвратительна: глубокие колеи, в которых ямы и ухабы скрыты толстым слоем пыли. В такое состояние дорога приводится моментально с появлением буровых. Где буровые – там и постоянное движение тяжелых машин с оборудованием, горючим, буровым раствором, тремя вахтами в сутки. Эффект мы сейчас и ощущали, трясась в сплошной пыли. Наконец подъезжаем к ближней буровой, с облегчением из Уазика вываливаемся.

Буровых у меня две, стоят друг от друга в пределах видимости. В прошлом году здесь выделена перспективная структура. Ее вскрыли канавами, отобрали пробы на золото. Последнего почти не оказалось, какие-то как у нас говорят «следы». Но ложились четко в узкую полосу измененных пород. Эти породы сейчас оцениваются скважинами на глубину метров двести. Надежда на то, что там содержание золота увеличится.

Рядом с буровой стопа керновых ящичков. Это грубо говоря носилки длиной ровно метр, сбитые из досок, и по всей

длине разделенные перегородками на ячейки шириной десять сантиметров. В них укладывается керн, строго по порядку, с записями глубин бурения от и до на этикетках. Вдвоем ящики раскладываем на земле по порядку, и начинаем керн обнюхивать, облизывать (макать в воду), обстукивать. Пока идет пустая порода, мы говорим «вмещающая». Наконец дошли до породы из перспективной структуры. Это с глубины сто пятьдесят метров. Нас она не впечатляет – мало чем отличается от вскрытой в канавах, значит и золота будет столько же, то-есть всего-навсего «следы». С разочарованием принимаем это как должное, ящики составляем в стопу и залезаем в Узик наблюдения еще раз обсудить. В итоге решаем, что еще два-три дня скважина должна побуриться, пока перспективная структура не будет надежно пересечена. Для себя принимаем, что увы – положительного результата здесь не будет.

Едем ко второй буровой и повторяем с керном обычные действия. Убеждаемся, что до нужных пород скважина не дошла, бурение следует продолжить. На этом первый пункт совместной программы выполнен – буровые посещены, керн просмотре.

Почти через километр подъезжаем к канаве экскаваторной проходки, которая вчера так порадовала образцами «железной шляпы». Канава на участке работ уже этого года, перспективную структуру только зацепили. Метрах в двухстах дальше экскаватор копает вторую канаву, по прикидке, к

концу дня должен закончить. Надеемся и ее сегодня посмотреть.

А пока спускаемся в первую и начинаем внимательно осматривать. Тут же подходит техник-геолог Наташа Луканина, которая канаву должна задокументировать; техник-геофизик в это время прослушивает стены и дно радиометром, показания записывает в журнал. Наташа от нас не отходит, и попутно объясняем ей что и как нужно зарисовать, как назвать породу. И так потихоньку двигаемся от одного конца канавы к другому.

Наконец нужное место – здесь Паша выколотил знаменитый образец. Очень красиво, типичная «железная шляпа», четко выделяется бурым цветом на фоне зеленых пород. И по канаве прослеживается прилично, на добрый десяток метров. Задерживаемся надолго – интенсивно работаем молотками в надежде выбить кусок породы с блестками видимого золота. Но это не удастся; набираем мешок камней наиболее похожих на золотосодержащую руду, что бы посмотреть их в партии с использованием бинокля, показать другим геологам.

В канаве провозились долго, довольными вылезли из нее в другом конце. Перекусили, обменялись впечатлением от увиденного. Потом отошли на двести метров от просмотренной канавы в сторону буровых, и вынесли на местность еще одну – надеемся, что «железная шляпа» протянется и до нее. Затем возвращаемся, и идем дальше к работающему экска-

ватору. Он заканчивает очередную канаву, и по цвету породы на отвале видно, что «железная шляпа» вскрыта и в ней. Лезем почти под ковш, и как в предыдущей начинаем бурю породу лупить молотками, рассматривать, искать видимое золото. Наконец все возможное отбито, отобрано, просмотрено – второй пункт намеченной на день программы выполнен.

Время летит быстро. Успел сводить Игоря Георгиевича в подозрительное место, где в геологическом строении не все понимал, и надеялся получить совет от специалиста более опытного.. Совет я получил, и все, рабочий день кончился – ГАЗ-66 собрал на участке людей и запылил в партию. Вслед за ним, подождав пока ветерок развеет поднятую в воздух субстанцию, двинулись и мы.

В партии, захватив мешочки с отобранными пробами, я побежал в здание дробилки – эти нужно подготовить к анализам вне очереди. А Игорь Георгиевич с образцами пошел в камералку к петрографу, у которого хранились микроскопы и бинокюляры.

В дробилке пришлось долго и нудно объяснять старшему что нужно сделать срочно и на основании чьего распоряжения. Наконец вопросы утрясли, и я побежал в камералку, с желанием и самому поискать золото в образцах.

В комнате петрографа несколько человек рассматривали камни кто под бинокюляром, кто с лупой, а кто и просто без всего. Игорь Георгиевич взял один со стола и протянул мне,

показал на нем обведенное цветным карандашом место. Я подошел к окну, где побольше света, внимательно обведенное место осмотрел. Есть! Точно есть тонкая коротенькая желтая ниточка! Игорь Георгиевич, убедившись что золото я увидел, вопросом подтвердил уже реальность:

«Ну как? Понял, что у тебя рудопроявление?»

«Дай бог», – вырвалось непроизвольно, и добавил, уже озаботившись появившимися проблемами, – «Надо сразу бороздовые пробы отбирать!»

Дело в том, что в канавах вначале отбираются пробы точечные. По дну через тридцать-пятьдесят сантиметров откалывается кусочек породы, и с пяти=шести метров получается проба. Если золото в ней есть – анализы это покажут. Но не точное содержание, а приблизительное. И только определив где золото есть точно, с этих мест отбираются пробы бороздовые – по дну канавы делается сплошная борозда шириной пять-десять сантиметров и такой же глубиной, вся выколота порода забирается. Сейчас я предлагал в пределах «железной шляпы» первый этап – отбор точечных проб – пропустить, и сразу отбирать бороздовые. Работы с ними побольше, и лишний рабочий нужен, но на пару месяцев раньше мы получим достоверные содержания золота, что даст возможность начать буровые работы раньше. Ребята прекрасно поняли смысл моего предложения, и его поддержали, ну а точку поставил главный геолог:

«Конечно бороздовые будем отбирать! Да и не дадут нам

делать по другому, как только в управлении узнают, что есть видимое золото», – и с улыбкой мне одному, – «И буровые заставят поставить раньше времени, так что готовься!» – это как всегда: окажется золото стоящим – аврал нам обеспечен, так что не привыкать.

Еще недолго поговорили, нашли еще в одном образце видимое золото, и начали расходиться. Я же с Игорем Георгиевичем прошел в его кабинет решить несколько вопросов.

Первый. Коль разговор зашел о буровых, нужно подумать о проходке канав с применением ВВ, то-есть взрывчатых веществ. Цель их – максимально углубиться в изучаемую структуру и точно определить в какую сторону она падает и под каким углом, что в обычной экскаваторной канаве можно не понять. Канавы предварительно намечаем, но торопиться с ними, пока даже пробы не отобраны, не будем. Подождут.

Второе. Кто займется бороздовым опробованием? Дело ответственное и человек нужен надежный. Такой в партии есть – Дмитрий Д., жуткий копуха и педант, но человек незаменимый. Может вымотать душу расспросами, замечаниями, но если за что берется – : дело будет сделано как надо и в срок. Игорь Георгиевич, как я и надеялся, предлагает Дмитрия Д., чему я очень рад.

Третье самое неприятное. Завтра меня просил помочь Алексей, наш общий знакомый-оперативник. И я ставлю об этом главного геолога в известность, ожидая с его стороны

возражений. Но все нормально, меня отпускают хоть до понедельника. Игорь Георгиевич в курсе дел на участке, не зря мы провели там весь день, так что проследит и за канавами, и за буровыми. И поинтересовался, чем же я буду заниматься, в чем помогать Алексею. Тайны в этом никакой, честно признаюсь, что моя задача найти похищенную руду, которую могли спрятать где-то недалеко от железнодорожного моста, либо вблизи поселка Придорожного. И посмотреть дробилки дорожников – пропускали через них руду, или нет.

Опер

День за рулем– занятие не из приятных, если ты не фанат машины или профессиональный водила. Я ими точно не был, и со второй его половины начала отваливаться спина, потом к ней постепенно присоединились руки, ноги, а ближе к вечеру и голова. Выехал из партии в пять утра, с собой ничего не взял, надеясь перекусить в одном из поселков в столовой – могла же придти такая глупость в голову! Там, где пришлось побывать, жило по пятнадцать-двадцать семей, какие столовые! В магазинчиках, больше похожих на лавки, продукты были, но срок годности заканчивался на запредельных датах, и подвергать опасному испытанию желудок я не рискнул.

При местной малолюдности проверять и расспрашивать особо нечего и некого. Начал с дальнего поселка, с заправки

у шоссе на въезде. Познакомился с заправщицей, показал ей удостоверение, разговорились. Женщина бойко рассказывала что надо и не надо, довольная возможностью пообщаться: смена двенадцать часов, а в час если две машины останутся, то и хорошо. Но из обрушившейся на меня информации нужные факты не проглядывали – в ее смены в последние две недели ничего подозрительного – ни машин по моему описанию, ни экскаватора, который уж точно должен броситься в глаза, возле заправки она не видела. Взял координаты сменщиц, их имена-отчества и проехал в поселок.

Десятка два неухоженных развалюх производили удручающее впечатление. Везде мусор, железки от списанной техники, почти нет зелени. Без присмотра бродят бараны, лошади, масса ободранных собак, поленившихся хотя бы облаять мою машину. Поговорил по очереди с работниками заправки, потом около лавки – с большей частью мужского населения, находящегося в состоянии разной степени подпития. Ничего никто из заправщиц не видел, а уж мужики в поселке и подавно. С одним относительно трезвым аборигеном прокатились к пастуху, приглядывающему за коровами. Пастух, единственный трезвый из местных, показался человеком наблюдательным, хотя возможно других занятий, как приглядывать за коровами и смотреть на шоссе у него не было. За машины он не ручался, но убежденно уверял, что за последние две недели в светлое время никакой экскаватор ни самостоятельно, ни в кузове машины по шоссе не перемещался.

Отвез проводника домой, зарулил ко второму населенному пункту. Это уже в сторону партии, ближе к дому.

Второй поселок – близкая копия первого, почти один к одному. Расположен в километре от шоссе, так же удручающе выглядит. Заправки около нее не построено, но рядом крутились два стада баранов, и с каждым было по пастуху, с которыми я тоже пообщался. Ничего нового – в поселок нужные мне машины не заезжали, а свои дальше окраин и отъезжать не отваживаются, полные развалюхи. Сенопогрузчик месяц стоит, нет запасных частей, надеются отремонтировать только к осени. На шоссе экскаватор никто не видел, про машины толком сказать ничего не могли. То-есть, описанные мной в глаза не бросились. И с крепнувшей уверенностью, что руду здесь не провозили, влив в себя с литр воды, зарулил домой. Голова ничего не соображала от жары, и единственное желание – покушать и завалиться в прохладе на кровать – крепло по мере приближения к партии.

В пять часов въехал в гараж поставить машину, заранее предвкушая что и сколько возьму в столовой. Но не успел захлопнуть дверцу, как подошел рабочий и «обрадовал»: меня давно ждут и нужно срочно ехать в Мирный, прямо в милицию.

Стало грустно. Идея отделаться телефонным разговором показалась неплохой. Пошел в диспетчерскую, позвонил и понял, что лучше бы этого не делать, все же минут десять голова могла отдыхать.

Убийство, жуткое убийство с отягчающими обстоятельствами, и разговор не телефонный – так примерно сообщил начальник милиции майор Симонов И.С. Пришлось возвращаться к машине, ехать в Мирный.

В кабинете начальника сидели хозяин и мой помощник Михаил Новиков, с серьезными лицами. И дело оказалось столь серьезным, что я в момент забыл и об усталости, и о голоде, и обо всем остальном, как только услышал его суть.

На одном из полустанков проводился текущий осмотр колесных пар грузового состава. На тормозной площадке вагона рабочий заметил мешок. Хозяина не было, и мешок он снял, развязал и вытряхнул на землю – выпали человеческие руки и части тела. Рабочий в ужасе кинулся на вокзал в отделение милиции – немедленно было отправлено сообщение о находке по всем близлежащим станциям и полустанкам. Начали проверять и другие составы, и в еще одном, двигавшемся в противоположном направлении, нашелся второй мешок, теперь с частями ног и тела. Мешок, как и в первом случае, лежал на тормозной площадке вагона.

Простейшие расчеты по времени показали, что страшный груз отправлен с полустанка у поселка Придорожный – только там оба состава останавливались прошлой ночью и близко по времени. Части тела сейчас везут в областной центр в криминалистическую лабораторию, но без головы, найти ее не удалось. Вот такая жуть и в таком тихом месте, где каждый человек на виду. Кроме того, мне из города звонили с требо-

ванием завтра выйти на связь. Это с моим планом совпадало, только теперь нужно его скорректировать с учетом новых обстоятельств. Посещение шахты «железнодорожником», хищение руды, смерть сторожа я считал звеньями одной цепи с малой степенью сомнения. Новое жуткое убийство рядом с поселком, в направлении на который, как я сегодня убедился, руду и увезли, могло свидетельствовать о важном. О том, что возможно похитители с этим поселком связаны, там живут и работают. А причиной нового убийства, как и в случае со сторожем, могло стать желание избавиться от опасного свидетеля при первых признаках тревоги – привлечения милиции к делам по шахте. Объективно получалось, что на поселок следует обратить повышенное внимание, в первую очередь на автохозяйства и людей с ними связанных.

Понятно, что в последнем случае была попытка скрыть место преступления, а опознание тела сделать невозможным. И только ошибка исполнителя, подбросившего мешки с частями расчлененного тела в составы по разным направлениям позволила выйти на Придорожный. Кстати, попавший в поле моих расследований второй раз. Первый – это когда я искал угнанные машины, в предыдущей командировке.

Начальник Мирненской милиции считал Придорожный прибежищем лиц, в силу не совсем приятных наклонностей выжитых из партии, Мирного, Пионерного. Это лодыри, пьющие, хулиганистые, балующиеся травкой, часто с криминальным прошлым. На одном месте как правило не дер-

жаться, на действующих объектах в поселке следует ожидать «проходной двор». А объектов два, и оба с техникой: дорожники тянут очередной ведомственный асфальт к Пионерному, и у железной дороги строится перегрузочная площадка, куда скоро начнут возить золотосодержащую руду по этой новой дороге.

Начальник милиции полагал, что расследовать убийство поручат оперативникам из Пионерного, отделение милиции там есть. Конечно, в таком случае с ними придется тесно сотрудничать.

С учетом всего услышенного определяюсь с завтрашним днем. Прежде всего, с утра звоню в город в управление, докладываю о ходе расследования. Очень надеюсь в ответ получить что-либо дополнительное по факту смерти сторожа. Затем едем в поселок Придорожный втроем: я, Михаил Новиков, Юра. На месте каждый занимается определенным делом. Михаил Иванович работает со строителями перегрузочной площадки и железнодорожниками: кто что видел в промежутке времени от хищения руды и до смерти сторожа, опознание «железнодорожника» по составленному словесному портрету, поиск места, где можно спрятать человеческую голову между самим поселком и полустанком на железной дороге. Я и Юра едем на площадку к дорожникам, где у них стоит оборудование и техника. Юра осматривает дробилки, пытается определить что же на них измельчалось в последнее время по остаткам дробленого материала. Воз-

можно отберет пробы на золото, если посчитает это нужным. Затем прогуляется вокруг площадки по окрестностям, посмотрит следы машин, а если покажутся подозрительными, то проследит их хотя бы до шоссе. Это на тот случай, если поселок похитители руды попытались объехать, что бы лишний раз не засвечиваться. А объезд рядом с площадкой дорожников наиболее реален, отсюда можно повернуть и на Пионерный, куда сейчас прокладывается очередная ведомственная дорога. Сам я надеюсь с помощью начальника дорожников разобраться с автотранспортом, экскаваторами, проверить путевые листы, наряды за прошедшие две недели. И поговорить с рабочими: не пропал ли кто из знакомых в ближайшие два-три дня, не было ли крупных ссор и драк, ну и описать все того же «железнодорожника» по составленному словесному портрету.

Вопросов, которые сегодня еще можно было обсуждать, предостаточно. Но устал я неимоверно. Эта усталость светилась на лице так, что собеседники начали поглядывать на меня с сочувствием, а скоро Симонов Иван Семенович вообще предложил разговор закончить. Я абсолютно не против. Пообещав утром подъехать, попрощался и побежал искать столовую – никаких калорий в организме не оставалось. Успел почти к закрытию и съел столько, что с трудом поднялся из-за стола, мелкими шажками медленно доковылял до машины. И после, когда приехал в партию и поставил ее в гараж, заснул мгновенно, как только принял в кровати го-

горизонтальное положение.

Часть шестая

21 июля, четверг.

Опер

Просыпался тяжело, что после вчерашних приключений не удивительно, плюс ежедневно накапливающаяся усталость третьей неделей без единого выходного дня. Но пока собирался и завтракал, немного ожил, а в Мирный ехал вместе с Юрой уже в рабочем состоянии. По дороге рассказал ему об убийстве с расчленением трупа, попросив об этом никому ни слова. Здесь на геолога можно положиться, это я понял. Повторил задачи на сегодня, прямо как штатному сотруднику – Юра молча покивал головой: понял и согласен. В здание милиции он заходить не стал, посчитал, что будет лишним. И исчез, как выразился, «на время».

В кабинете начальника с полчаса пришлось потратить на разговоры не совсем нужные, и только без десяти девять я позвонил в город в управление.. Доложил шефу о первых результатах:

– руда вывезена от шахты тяжелыми машинами, но не самосвалами типа Краза или Камаза, грузилась экскаватором на резиновом ходу вероятно Белорусского производства, Экскаватор привезен и увезен в кузове бортовой ма-

шины;

– прослежен путь руды до областного шоссе и определено дальнейшее направление – в сторону поселка Придорожный;

– весьма вероятно, что перед хищением площадка с рудой была осмотрена одним из преступников в облике «железнодорожника», словесный портрет которого составлен;

– предварительно перед хищением сторож на шахте был приведен в бессознательное состояние каким-то препаратом, сделать это мог посетивший его знакомый человек; когда стало известно, что пропажей руды заинтересовалась милиция, сторожа как возможного свидетеля сознательно напоили и довели дело до смертельного случая;

– убийство с последующим расчленением трупа вблизи Придорожного возможно также связано с хищением руды, хотя подтверждающие факты пока не найдены.

Доложил и о практически законченной проверке автотранспорта в Мирном и геологической партии, отметив, что подозрительной (по словам Михаила Ивановича) остается одна машина и окончательно вопрос по ней будет решен за два-три дня.

Игорь Константинович связь последнего убийства с пропажей руды пока не усматривал, поэтому расследование будет вестись отдельным делом и, как мы предполагали, передается в ведение милиции пос. Пионерный. Напомнил о необходимости быть с ним в постоянном контакте.

Сообщил и важные для меня моменты. Алексей Алексан-

дрович, мой тезка и начальник по «угонному» отделу, в порядке помощи посетил все КПП, заправки, забегаловки, точки торговли на въезде в город с нашего направления и установил, что в последние две недели никто из опрошенных не видел машин с каким-либо каменным материалом. С нашей стороны его в город не завозят – нет ни карьеров, ни строительных организаций, потому машины с необычным грузом в глаза бросились бы сразу. Никто не видел и перевозившегося экскаватора на резиновом ходу. То-есть, подтверждается, что руду в город не везли, и с этим направлением вопрос можно считать решенным.

По результатам лабораторных исследований по делу гибели сторожа, в желудочной массе умершего выявлены следы сильнодействующего рвотного препарата. Этот факт версию о связи смерти сторожа с пропажей руды подтверждал, причем в худшую сторону: человека «умерли» после того, как начальник геологической партии выехал в город с визитом в УВД. Значит, кто-то из преступников о поездке узнал и боялся, что сторож при первом же разговоре с оперативником кое-кого вспомнит. И этот человек несомненно из партии, слишком оперативно сработали со сторожем. Отсюда следует, что еще раз придется вернуться к вопросу об «информаторе», обязательно расширив круг подозреваемых.

Получив еще кучу советов, , мы наконец-то попрощались до следующего разговора, через два-три дня. Все, можно ехать в Придорожный, начинать работу.

Начальник милиции, молча слушавший мой разговор с шефом, теперь востроен и предложил в помощь человека из местных жителей, хорошо знающего многих там, куда мы собирались отправиться. С удовольствием помощь принимаю, и к машине, в которой Юра давно сидит, подходим вдвоем. Третий – знакомый мне сержант, страстный любитель телевизионных сериалов. По дороге определяю ему место работы – частный сектор, с упором на установление личности «железнодорожника» по словесному портрету, и возможно пропавшего в последние дни человека, найденного в расчлененном виде. Но про убийство пока все молчим, преждевременно пугать преступников нежелательно.

Первым высаживает сержанта, прямо в поселке. Затем подвезл Михаила Ивановича к строящейся перегрузочной площадке у железнодорожного полустанка. Оттуда повернул назад и проехав поселок, через пол километра подъехал к дорожникам.

Кучи гравия, битума, какое-то оборудование, строения, несколько человек в грязных робах. Все не бритые, не удивлюсь если и не мытые, с помятыми лицами. Почти как в поселках, которые я посетил вчера. Правда, здесь что-то делалось, там же при деле я никого не заметил. По подсказке первого встречного прошли к небольшому не то домику, не то сарайчику, где как нам объяснили, находился начальник.

В помещении с замызганным полом за единственным обшарпанным столом сидел мужчина среднего роста, с малень-

кими бегающими глазами и мгновенно возникшем при моем появлении напряжением во взгляде. Мужчине я представил-ся, показал документы. Он вскочил, с испугом спросил что мне нужно. Ответил: во-первых, мой напарник – показал на Юру – посмотрит оборудование, а во-вторых, я должен проверить документы, приказы, распоряжения и т.д. Естественно, вместе с руководителем предприятия, то-есть с его помощью.

Мужчина начал суетливо перебирать бумаги на столе и ссылаться на занятость, но я это пресек: разговариваем либо здесь и сейчас, либо его забираю в милицию и разговариваем там. Подействовало. С обреченным видом начальник опустил-ся на свой стул, мне удалось устроиться напротив на дышащей на ладан табуретке. Юра вышел выполнять свою программу, я раскрыл на столе свою папку и начал задавать вопросы.

Потрудиться пришлось капитально. Рогожин Борис Семенович предпринимал все возможное, что бы дело затянуть и отложить. Но все это я проходил не раз, и в душе усмехал-ся наивным попыткам. Потихоньку детали прояснились. По документам у дорожников числились три машины, два экс-каватора и один бульдозер. Машины – бортовые Камазы, но с саморазгружающимися кузовами. То-есть, материал из машины можно с помощью гидравлики высыпать в любую сторону или назад. Подходят для перевозки руды, и под железнодорожный мост проходят. Экскаваторы оба на резиновом

ходу, один на базе трактора Беларусь, второй – большей производительности – предназначен для стационарных работ и имеет небольшую скорость перемещения. Большой экскаватор значительно шире машины и под мост по габаритам не проходит. Ну а маленький – то, что надо. Сейчас он работал прямо на площадке, а большой – в карьере, где добывают материал для отсыпки полотна строящейся дороги.

Перешли к шоферам, с которыми предстоит лично познакомиться. Согласно документам, работают не первый месяц, путевые листы в порядке, по почерку заметно, что часть их заполнялась в один день, оптом. Но это только предположение, все оформлено правильно. Экскаваторщики – то же самое, по документам все в порядке, никто с работы никуда не отлучался, экскаваторы никуда не перегонялись.

Поинтересовался, где техника находится в ночное время – оказалось здесь же на площадке под навесом, под охраной. Вся, кроме бульдозера и большего экскаватора; их оставляют на месте работы – каждый раз пригонять сюда долго и накладно. Ночью площадка присматривается охранником, приходит из поселка к девяти вечера. Внес и его в список с шоферами, разговор предстоит. Поинтересовался, где берут горячее – на площадке есть емкость с соляжкой, техника заправляется утром, на день работы.

Попросил список работников за последний месяц, но кавказской фамилии, подходящей для «железнодорожника», среди них не нашел. Прямо же спросить о таком человеке и

дать его словесный портрет поостерегся, впечатление складывалось, что правды гр.. Рогожин Б.С. не скажет. Больше говорить не о чем, и я вышел на воздух прогуляться и пообщаться с рабочими.

Подошел к маленькому экскаватору, здесь же на площадке сгребавшему подвешенным к нему ножом щебенку в длинную полосу. Позже ее залиют битумом и все перемешают, превратив в смесь для асфальтового покрытия. Поговорил с экскаваторщиком, пожилым ухоженным мужчиной – ничего интересного не услышал, кроме того, что в случае его отсутствия на экскаватор временно садят другого человека, документами это дело не оформляя. В последние две недели его никто не подменял, но возможно экскаватор после работы брали, вернее заправляли. Так он посчитал потому, что в одно утро не успел залить в бак и половину обычной нормы солярки, как она хлынула через горловину. Бак был переполнен. Точно этот день мужик вспомнить не мог, несмотря на наводящие вопросы. Пришлось переключиться на другие темы: пропал ли кто из местных за последние два-три дня, и видел ли человека с приметам «железнодорожника».

Из местных никто не пропал, по крайней мере разговоров об этом не было. Ну а пришлые каждый день и пропадают, и новые появляются, в основном лица в пред бомжевом состоянии, а то и полные бомжи. О них он сказать ничего не может, дел с ними старается не иметь, как человек работающий и семейный. А вот «железнодорожника» в поселке раза два-

три встречал, в разное время. Но явно человек приезжий и постоянно не проживает.

Больше ничего из ценного информатора не выбил, и отпустив его, начал искать следующего. Но другие, с кем пришлось говорить, оказались работниками временными, никто ничего кроме лопаты толком не знал и ничем не интересовался. Сплошной ноль, одна надежда на шоферов, которые где-то отсыпали полотно будущей дороги.

Разузнав где находится, заглянул в «цех дробления». Две установки стояли под навесом, над ними бункера, куда загружают камень, а рядом эстакада, что бы подъехать и из машины высыпать камень прямо в бункер. Но сегодня установки не работали, и процесс дробления я не увидел.

Собрался проехать по отсыпанной насыпи в ее конец, где сейчас работали машины, но увидел Юру и довольно далеко от площадки – спускался с сопки в мою сторону. Подождал его, вместе сели в Уазик и отъехали в сторону, где ветерок был немного посильней. Как и прошлый раз, Юра распахнул все двери, начал разбирать тормозок. Я молча наблюдал, как ловко у него получается, будто этим занимается каждый день. И немного завидовал умению в любой ситуации создать вокруг относительный комфорт для себя и других. Наконец все готово, выбираем кусочки еды покрасивее, и я в нетерпении задаю вопрос:

«Как у тебя дела?»

Юра с серьезным видом несколько секунд пожевал, по-

смотрел на меня с чуть заметной улыбкой:

«Как тебе говорить? Как геолог, или как твой коллега?»

«Да как удобнее, главное, что бы понятно было»,

«Тогда как геолог: Что-то у нас появилось, надо изучать дальше».

«А если коллега?»

«Тогда будет так: положительные подвижки есть».

«Не будь занудой», – меня уже переполнило любопытство, – «говори по человечески!»

По «человечески» получилось интересно. На дробилках измельчалось что-то подозрительно похожее на руду, но не похищенную с шахты, а другую, пока не совсем понятно откуда. Пробы на золото отобраны. Объездная дорога тоже существует, начинается в километре от площадки дорожников, и от строящейся насыпи идет до областного шоссе, на которое выходит в двух километрах от Придорожного. По словам Юры, ее назвать дорогой язык не поворачивается. Что-то вроде расчистки: бульдозер прошел, засыпал или выровнял непроезжие части.

Я тут же загорелся по этому отвороту проехать, но Юра отсоветовал. Начальник дорожников и по его мнению человек подозрительный, не стоит лишний раз настораживать. А отворот проверим по пути домой, со стороны шоссе. Тоже верно.

Оставалось проехать по насыпи до ее конца и побеседовать с работающими там шоферами, пока их не проинструк-

тировали что говорить можно, а чего нельзя. Так и сделали, предупредив гр. Рогожина, что едем смотреть работу техники, то-есть машин, бульдозера.

Насыпь, на первых сотнях метров с асфальтовым покрытием, тянулась километров двадцать. А дальше шла работа. груженные породой Камазы по очереди сваливали камни на обозначенной полосе будущей дороги и отъезжали в сторону, где в небольшом карьере работал второй из имеющихся у дорожников экскаватор. Бульдозер вываленный материал разравнивал и формировал в компактную насыпь. Подъехали поближе, остановились на пол пути между экскаватором и бульдозером – рядом с ними спокойно разговаривать сложно, из-за шума работающих дизелей. Остановил первый подъехавший с грузом Камаз, показал шоферу документы и попросил задержаться.

Разговор пошел стандартный: где работал последние две недели, по часам – в злополучные пятницу-воскресенье; брал ли кто машину с его вехом или по распоряжению; замечал ли, что машину использовали в его отсутствие. Ну а затем – видел ли «железнодорожника», и пропадал ли кто из поселка в последние дни. Пока я разговаривал с шофером, Юра подходил к другим машинам, останавливающимся возле нас, и заставлял отъезжать – я хотел беседовать с каждым шофером отдельно. Закончив с ними, поговорил с бульдозеристом и экскаваторщиком.

Механизаторы оказались работниками постоянными, из

местных жителей, и здесь с начала строительства дороги. Зарабатывают хорошо, менять работу не собираются – лучше-го вблизи ничего нет. С начальством стараются не ссориться, поэтому если машину у них и берут, что иногда бывает в выходные, то особо не возмущаются, так как и сами иногда пользуются ими для личных нужд. Ну как везде, нет в этом ничего криминального. Точно сказать про прошедшие две недели – брали или не брали – никто не мог. Может и брали, но все на месте, ничего не поломано и не пропало. Также никто не слышал о пропаже человека, а вот «железнодорожника» или похожего на него видели в поселке все. И на площадке дорожников появлялся раза два, последний раз с пол месяца назад.

Когда вернулись на площадку, я подъехал к знакомому домику-сарайчику, с желанием поговорить с гражданином Рогожиным еще раз – поинтересоваться, зачем «железнодорожник» к нему приходил и кто это был. Но рабочее место пусто, никто не знает, куда начальник уехал. А я догадываюсь, и не теряя времени, выжимая из машины возможное, лечу в поселок. Расспрашивая встречных, находим жилище охранника. Дом на отшибе, у самых сопок. Как и большинство здесь, саманный и вместе с хозяйственными пристройками обнесен сплошной саманной стеной высотой в рост человека. Со стороны подъезда – добротные ворота, калитка с дверью из толстых досок. Прямо крепость, а не частное владение простого рабочего.

Открываем калитку, и не обращая внимания на привязанную собаку, заливающуюся лаем, без церемоний проходим в дом. Сразу за дверью встречает хозяин – мужик средних лет, на руке мелькнула татуировка, взгляд напряженный, но не испуганный. Не давая ему опомниться, прохожу в комнату – больше никого. Возможно я ошибся и начальник дорожников в другом месте, но за столом два стула, на нем блюдо с окурками. Только что кто-то был, для себя хозяин блюдо вместо пепельницы не поставит. Юра остается у двери, а я показываю мужику документы и предлагаю на кое-какие вопросы ответить. Присаживаемся к столу, и хозяин блюдо с окурками убирает. Прошу документы и из них узнаю, что напротив сидит Бочко Яков Михайлович.

О нашем визите предупрежден: отвечает быстро там, где нужно подумать, как будто готовился к разговору заранее. Как и ожидал, в его дежурства на площадке все в порядке, никто посторонний не приходил, техника стоит на месте. «Железнодорожника» он конечно не видел, в поселке никто не пропадал. И сегодня к нему на дом гостей не было (это уж дудки, кто то приходил и еще как подготовил к нашему визиту!).

Что-то охранник мне не нравится, не мешает его проверить по нашим каналам, возможно и проходил по делу. Татуировки то вон какие, не зря их от меня прикрывает.

Расспрашивать хозяина дальше бесполезно, Выходим с Юрой во двор, Бочко следом за нами. И здесь геолог тихонь-

ко шепчет:

«Сараи давай посмотрим!»

Прошу сараи показать. Хозяин нехотя идет за ключами, и так же нехотя открывает ворота одного, потом второго. В первом старенький Иж с коляской, железки от старых мотоциклов, пара канистр, другое мелкое барахло. Второй сарай, больше похожий на гараж под легковую, пустой. В одном углу бензиновая печь от какой-то техники, в другом куча пустых банок из-под автоэмали в основном белого цвета. В общем, ерунда, смотреть не на что.

С хозяином прощаемся и от дома отъезжаем. У меня в голове один вопрос: а куда делся начальник дорожников? Юра пожимает плечами и молчит, что-то обдумывает свое. Расспрашивая встречных, нахожу дом гражданина Рогожина Б.С. Хозяина нет, на двери замок. Все, искать бесполезно, человек встречи не желает.

Пора собирать сотрудников, и поворачиваем к полустанку у железной дороги. Рабочий день на разгрузочной площадке уже закончился и никого не видно. Михаила Ивановича и сержанта находим в комнате дежурного оператора железной дороги, куда посторонним вход воспрещен. Забираем их и заруливаем домой. Сержант, как Юра и предвидел, веселее чем следует, а Михаил Иванович имеет вид очень усталого человека.

Помолчали, пока не выехали на шоссе. Потом начали делиться личными «успехами». Первым послушали сержанта:

из его знакомых: никто машин с рудой, породой или камнями в поселке не видел, как не видели их на заправке, миновать которую невозможно, если что-то везти в сторону поселка Солнечный – это по шоссе дальше в противоположную от города сторону. Пустые машины дорожников бывают часто, или из Пионерного привозят материалы на строящуюся перегрузочную площадку. В последнее время из поселка никто не пропадал. Ну кроме бомжей, за которыми уследить невозможно. «Железнодорожник» появлялся несколько раз точно, но не надолго; ночевал непонятно где, но один раз его видели выходящим из дома (кого бы вы думаете?) охранника.

Ого, стало теплей – охранник то нам соврал, что его не видел.

Сержант собирался и еще много чего нам сообщить – настроение у него было прекрасное и на разговоры тянуло. Но слушать дальше уже неинтересно, я предложил немного помолчать, дать высказаться другим.

Михаил Иванович практически повторил сержанта. С одной поправкой: «железнодорожника» видел всего один человек, единственный рабочий из местных – остальных утром привозили из Пионерного, и вечером туда же увозили. И видел его с месяц назад.

Следующим мог бы говорить Юра. Но он молчал, как мне казалось, что то напряженно обдумывал. К этому времени мы свернули с шоссе на ведомственный асфальт, и только

здесь я вспомнил, что собирались посмотреть отворот с шоссе в объезд Придорожного. Придется сделать это в другой раз. А возвращаться придется определенно.

Время для разговора еще было, но все примолкли, ушли как говорят в таких случаях «в себя». И это состояние я нарушать не хотел Молчат – значит надо. Так до Мирного и промолчали.

Первым встрепенулся Михаил Иванович. В поселке попросил меня повернуть «сюда», потом «туда», и остановил возле одного из домов. Без лишних слов вылез сержант, с нами попрощался. Когда тронулись дальше, Михаил Иванович повернулся ко мне:

«Знаешь, не хотел при этой балабалке говорить, но еще кое-что есть. Я пол дня возле железки крутился, с другой стороны. Ну с какой мешки на тормозные площадки забрасывали. Все думал, где он голову мог спрятать»,

Я на него глянул с интересом:

«Нашел?»

«Да толком не знаю. Но в сторонке, с полкилометра, есть скотомогильник. Я и к нему пробежался. Видели наверное скотомогильник?»

«Представляем», – Юра подал голос.

«Так вот, по следам видно, что был недавно пеший, и за колючку ограды заходил. Местные зря не сунутся, заразы боются. А я все же внутрь глянул».

И замолчал, пришлось мне машину остановить:

«И что там?»

«Пока не знаю, но лежит что-то в мешке в углу. Видно, что брошено недавно»,

«Достать можно?»

«Можно, но только как? Ведь зараза сплошная. А бункер глубокий, и воняет жутко».

Мы попробовали тему обсудить, насчет вариантов безопасного подъема мешка, но время шло к восьми часам, и лучше все начать завтра, на свежую голову. Михаил Иванович здесь же вылез из машины, попрощался, мы тронулись к родным очагам.

А завтра не знаю что и делать. Завгар машину забирает – для планового профилактического ремонта. Так что остаюсь без транспорта.

Юра завтра тоже будет в камералке. Пообещал к нему заскочить – вопрос с «информатором» стоял на месте и нужно попробовать подойти к нему как-то по другому.

Геолог

Сегодня я у Алексея консультантом по технике. И в Придорожный еду в составе бригады как полноправный член. Нас четверо, задачи для каждого определены – мне, как лицу гражданскому и узкому специалисту, надлежит осмотреть у дорожников дробильные установки, и побегать по окрестностям, попытаться найти дорогу в объезд поселка.

Я начинаю с дробилок. Разузнал на площадке дорожников у рабочих откуда возят камень для приготовления щебенки. Конечно знал, что на щебень идет порода с определенными качествами: достаточно твердая и не раскалывающаяся на пластинки в одной плоскости. То-есть, должна принадлежать желателью к интрузивным образованиям, которых вблизи поселка – я посмотрел на геологической карте – не очень много.

Рабочие показали карьер, где такой камень добывают, я не поленился туда пробежаться и взять образцы как самой интрузивной породы, так и вмещающих ее явно не пригодных для щебня песчаников. С образцами вернулся к дробилкам и начал внимательно изучать кусочки, которые по каким-то причинам из дробилки в кузов машины не попали и валялись прямо под ногами на цементном основании. Большинство соответствовало образцам, которые я принес из карьера, но некоторые были из другого места. Такие я начал собирать и внимательно рассматривать, пытаюсь понять где же я мог их видеть. В них находил что-то знакомое, хотя точно не похищенная руда. Кусочков непонятной породы я набрал пробный мешочек, предполагая отвезти их в партию и показать другим геологам, попытаться вместе решить, что же это такое и откуда взято.

Уже собрался от дробилок уходить, кажется все сделал, но останавливало неосознанное убеждение в присутствии некого криминала. Ну не зря же я здесь лазаю! И все увереннее

убеждал себя: а не руду ли здесь дробили? Точно не нашу, ну а если с другого объекта? И когда это предположение постепенно окрепло, я вспомнил, где мог видеть такую породу, что сейчас у меня в мешочке. Да на шахте в Пионерном! Там руда похожа на эти камушки! Полной уверенности конечно не было, но анализы на золото нужно сделать непременно, и только результат даст ответ. Не знаю, как отнесется к моим предположениям Алексей, но без внимания не оставит точно. Теперь можно считать, что дробилки проверены, пора приступить ко второму пункту программы – поискам дороги от дорожников до шоссе, в объезд поселка.

Поднимаюсь на сопку, и стараясь не терять из вида и площадку дорожников, и поселок, направляюсь к шоссе. До него объездной дороги не встретил. По шоссе отошел от поселка с пол километра, и свернул с него, с намерением выйти на строящуюся дорожниками насыпь. Вышел в полкилометре от площадки дорожников, не встретил и следа машины. Но уверен, что если объезд есть, то он впереди. Меняю тактику – иду по насыпи и посматриваю на следы от нее в сторону шоссе. Они есть, но далеко в сопки не прослеживаются, в чем я каждый раз убеждаюсь.

Так я постепенно от площадки дорожников отошел уже с километр. Здесь и нашел съезд с насыпи, а дальше в сопках четкие следы машин на щебенке. Даже не следы, а неглубокую колею. Конечно, побежал по ней, в азарте не чувствуя усталости, и километра через три вышел из мелкосопочни-

ка в долину. Дальше бежать не стал, а поднялся на крайнюю сопку и с нее увидел и шоссе впереди, и за ним насыпь железной дороги, и самое главное – как моя колея утыкается в асфальт. Все, дело сделано, можно возвращаться назад.

Поначалу решил идти к поселку – до него километра три, но что-то остановило, и прикинув, где площадка дорожников, направился напрямую к ней по сопкам. Из желания получше познакомиться с местностью, а попутно посмотреть, не лежит ли где похищенная руда. И хорошо что так сделал, потому что застал на площадке Алексея, с ним вторую половину дня выступал статистом при разговорах с шоферами, экскаваторщиком, бульдозеристом, а позже и с охранником дорожного предприятия.

Ближе к вечеру, когда бригада в полном составе отправилась домой, коллеги Алексея начали докладывать результаты работы. Для меня они повторялись, все уже слышал из разговоров Алексея с рабочими. Потому слушал в пол уха, и больше занимал тот факт, что руду с нашей шахты на площадке и в сопках не нашел, хотя по логике ее должны были везти по найденной мною объездной дороге и где-то около нее спрятать. Если, конечно, похитители из Придорожного. Пришел к выводу, что придется туда, то-есть в сопки, еще раз возвращаться, поискать повнимательней. Прикидывал, как это удобно сделать с учетом, что некоторые места я проверил основательно.

А потом совсем глупая мысль появилась и из головы ухо-

дить никак не хотела: ну на кой ляд у охранника в сарае столько банок с автоэмалью? Точно помню, что в доме у него ничего не крашено, и машины нет, и никаких запчастей или старого барахла от машины тоже нет. Придумать ничего не мог, кроме как в сарае машину и красили. А перед покраской температуру нагоняли, как это положено, недаром там и печка бензиновая валялась. А красили белой автоэмалью вернее всего легковую. И явно не одну, если учитывать количество пустых банок. Краска другого цвета – так это под капотом подкрасить, или пол в кабине.

В общем, всякая ерунда в голове вертелась, и тут вспомнил, что Алексей рассказывал о машинах, которые искал где-то здесь рядом, но не нашел. И из всего винигрета неожиданно глупость очередная начала напрашиваться: а может здесь угнанные машины перекрашивали? Ну совсем ерунда, так можно до чего угодно допредставляться. Но глупость не отпустила до Мирного, пока один из милиционеров, сержант, из машины не вылез. Потому что после этого второй милиционер, капитан, еще больше меня, да и Алексея ошарашил, сообщив что нашел в скотомогильнике голову от расчлененного трупа. Ну не точно ее, а что-то в мешке, лежащем в бункере. Тут уж ни о чем другом, как о голове, никто и думать не мог. Я лично – так с мыслями о ней и спать лег. Правда, все же Алексея догадался предупредить, что завтра буду весь день в камералке, там меня можно найти при необходимости.

Часть седьмая

22 июля, пятница.

Опер

В Мирный из поселка геологов автобус не ходит – пришлось идти к начальнику партии с просьбой подбросить до милиции. Через пять минут – так успокоил. Николай, знакомый мне шофер, подъедет и отвезет. А пока его нет, поговорили. Павел Петрович обещание выполнил и о «железнодорожнике» у руководителей служб поинтересовался – нет, человек такой на работу не устраивался, в партии не замечался. А когда я сказал, что думаю сегодня вернуться к вопросу об «информаторе» – раз уж я без машины – тут же предложил свое участие:

«Считаете нужным – пригласите и меня».

Здесь в кабинет зашел шофер Николай, и через десять минут я уже был в Мирном.

Работа в милиции кипела. Симонов Иван Семенович и Михаил Иванович уточняли детали предстоящей операции – подъема мешка с непонятным предметом из бункера скотомогильника. Мешок попытаются захватить сачком с длинной ручкой. Такой уже есть – весной конфискован у местных браконьеров, ловивших сазанов на мелководье во время

нереста. Сейчас меняют ручку на более длинную.

Орудовать сачком будет Михаил Иванович – сам на это напросился. Но дело опасное – предполагается в бункер скотомогильника его опустить на веревке, что бы была там свобода маневра. А для предохранения от заразы облачат в комплект химзащиты с оборудованием горноспасателя, за которым отправлен человек на склад гражданской обороны. По завершению операции Михаила Ивановича и поднятый предмет обработают раствором хлорки, и только после этого сотрудника разоблачат.

Пожелал Михаилу Ивановичу удачи, и попросил т. Симонova И.С. обеспечить операцию транспортом, так как сегодня я без машины. Майор кивнул головой – найдет технику – и я посоветовал добираться к скотомогильнику не по асфальту через Придорожный, а напрямую от Мирного, не переезжая железку и не появляясь в самом поселке. Лишнюю суету никто из местных видеть не должен. С этим все согласились, и на карте начали искать подходящий проселок. В «операции» мне роли не отводилось, а быть наблюдателем не привык. Пожелал успеха, попросил сразу доложить о результатах, и из милиции ушел. С надеждой подъехать в партию на попутке.

Через пол часа подошел к зданию управления-камералки второй раз. Нажал кнопку у двери с кодовым замком и дождался, пока ее изнутри не открыла симпатичная женщина. Прошел в кабинет к Игорю Георгиевичу и застал с ним двух

знакомых – Юру и Николая Матвеева. Геологи занимались делом, мешать не хотелось, но пришлось. Договорились, что к трем часам подойду – еще раз пройдемся по списку, еще раз попытаемся вычислить возможного «информатора». И ушел в гостиницу обдумать в тишине и одиночестве свои дела, определить из них первоочередные.

Начал с «железнодорожника». Установлено, что человек не местный, в Мирном и партии не замечался. Интересовался шахтой – появлялся возле нее с определенной и важной целью, по пустякам в такую даль и безлюдье никто не пойдет и не поедет. Возможно, к хищению руды имеет отношение – тогда своим посещением «усадыбы» охранника и начальника дорожников, о чем вчера мне рассказали рабочие, бросает подозрение и на них.

Очень нужный человек «железнодорожник». Как бы не пришлось привлекать видевших его на шахте и в поселке к составлению портрета. И уже с ним разговаривать с водителями рейсовых автобусов и проводниками единственного пассажирского поезда, останавливающегося рядом с Придорожным. Как-то же этот человек до поселка добирался? Это если операция в скотомогильнике закончится неудачей. Шальная мыслишка стучала в голову, казалась абсурдной, но прогнать ее не мог: а что если «железнодорожника» и нашли в расчлененном виде? Убили же сторожа на шахте, могли и еще одного человека грохнуть. Но подождем, до вечера.

Теперь по начальнику дорожников и охраннику: явно в

сговоре, чем то насторожены, если не сказать – испуганы. Особенно руководитель дорожников Рогожин Б.С. Техника на площадке руду от шахты увезти и в какой-то мере переработать есть, при желании охранник и начальник, возможно и еще с кем то (сразу напрашивается «железнодорожник»), это могли осуществить в ночное время, в выходные. И никто в поселке не заметит – Юра нужную объездную дорогу нашел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.